

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ИСТОРИИ И ПРАВА

Исторические этапы формирования и развития судебной системы
России: историко-правовой аспект

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»

Проверка на объем
заимствований:

96,5 % авторского текста

Работа рекомендована к
защите

«9» декабря 2026 г.

зав. кафедрой истории и права
Н.В. Коршунова Коршунова Н.В.

Выполнил:

Студент группы

ЗФ-324-269-2-1

Терновой Евгений Сергеевич

Научный руководитель:

Заведующий кафедрой, д.и.н.,

доцент кафедры

истории и права

Коршунова Н.В.

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ	11
1.1. Эволюция институтов судебного представительства в России до 1864 г. и влияние европейских моделей на отечественную адвокатуру.....	11
1.2. Особенности судебной реформы 1864 г.: приоритеты и организационно-правовые основы адвокатуры, статус присяжных и частных поверенных	14
1.3. Подготовка судебной реформы 1864 г.: проекты и комиссии 1857–1862 гг., роль «Основных положений» и влияние западноевропейских моделей на формирование концепции адвокатуры	18
1.4. Формирование корпорации присяжных поверенных и механизмы её самоуправления после судебной реформы 1864 г.	20
ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТУРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.	26
2.1. Законодательное регулирование адвокатуры, судов и прокуратуры в эпоху контрреформ: принципы состязательности и равноправия сторон.....	26
2.2. Задачи, проблемы и специфика деятельности присяжных поверенных: отношение властей, тактика защиты на политических процессах и роль в политической жизни	31
2.3. Проблемы женской адвокатуры в России и сравнение с зарубежным опытом	36
2.4. Кризис адвокатуры в условиях политических потрясений начала XX века (1905–1917 гг.) и трансформация её роли в судебной системе.....	44
ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА И ДРУГИХ ОКРУГОВ)	48
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	56
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	61
ПРИЛОЖЕНИЯ	64

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Современная российская правовая система находится в состоянии непрерывной трансформации, обусловленной необходимостью укрепления независимости судебной власти, повышения качества и доступности юридической помощи, обеспечения эффективной защиты конституционных прав и свобод граждан. В этих условиях особое значение приобретает обращение к историческому опыту, позволяющему выявить устойчивые закономерности функционирования института адвокатуры, понять механизмы её взаимодействия с государством и обществом, а также извлечь уроки для решения актуальных проблем современной адвокатской деятельности.

Судебная реформа 1864 года, как отмечает И.В. Гессен в «Истории русской адвокатуры» (1914), не только ввела принципы состязательности и гласности, но и создала основу для профессиональной корпорации адвокатов, которая стала барьером против произвола власти. В современных условиях, когда Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ сталкивается с вызовами, такими как давление на адвокатов в политических делах (аналогично «делу 25 адвокатов» 1903–1905 гг., описанному М.А. Шелогуровым), исторический анализ помогает понять, как адвокатура эволюционировала от вспомогательного органа к независимому институту. Кроме того, гендерные аспекты, освещенные в работах Е. Флейшиц («О женской адвокатуре», 1910), остаются актуальными: несмотря на формальное равноправие, женщины в современной адвокатуре сталкиваются с барьерами, подобными тем, что существовали до 1917 г. Региональные диспропорции, как на Урале (по Р.Р. Усманову), эхом отзываются в сегодняшних различиях между Москвой и провинцией. Таким образом, изучение периода 1864–1917 гг. позволяет не только реконструировать исторический путь, но и предложить рекомендации для усиления независимости адвокатуры в России XXI века.

Судебная реформа 1864 года, проведённая в царствование Александра II, стала одним из наиболее значимых и последовательных актов правовой модернизации Российской империи. Она ознаменовала переход от инквизиторского процесса к состязательному, ввела принципы гласности, равноправия сторон и несменяемости судей, а главное — впервые в истории России создала институт присяжной адвокатуры как самостоятельную корпорацию, основанную на принципах самоуправления, профессионального ценза и корпоративной дисциплины [16; 17].

Период 1864–1917 гг. представляет собой завершённый исторический цикл развития российской адвокатуры: от её зарождения и «золотого века» (1870–1890-е гг.) до глубокого кризиса в условиях политических потрясений начала XX столетия. В это время адвокатура прошла путь от вспомогательного института судебного представительства к самостоятельному субъекту гражданского общества, стала ареной борьбы между либеральными и консервативными силами, а также важным каналом формирования общественно-политической элиты [9; 14].

Изучение данного опыта сохраняет высокую актуальность не только для историко-правовой науки, но и для современной адвокатской практики. Многие проблемы пореформенного периода — противоречивое взаимодействие адвокатуры с государством, вопросы профессиональной этики и дисциплинарной ответственности, ограничение независимости в условиях политического давления, гендерные барьеры в доступе к профессии, резкое неравенство между столичными и провинциальными адвокатскими сообществами — остаются нерешёнными и в XXI веке [23; 28; 37].

Знание историко-правовых особенностей становления и развития адвокатуры в Российской империи необходимо для правильного понимания её места и роли в системе отечественного судопроизводства, а также для выработки обоснованных рекомендаций по совершенствованию современного законодательства об адвокатуре (Федеральный закон «Об

адвокатской деятельности и адвокатуры в Российской Федерации» от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ и др.). Анализ двойственной роли адвокатуры – как инструмента либерализации и одновременно объекта государственного контроля – позволяет глубже понять противоречия правовой модернизации в условиях авторитарного режима и извлечь уроки для укрепления независимости адвокатуры в сегодняшней России [14; 37].

Хронологические рамки исследования охватывают период с 20 ноября 1864 г. (утверждение Судебных уставов) по февраль–октябрь 1917 г. (Февральская революция и последующая ликвидация дореволюционной адвокатуры). Эти границы позволяют показать полный исторический цикл: зарождение института, его развитие и расцвет, кризис в эпоху контрреформ и политических потрясений начала XX в., а также завершающий этап в условиях революции 1917 г.

Степень научной разработанности темы. Тема адвокатуры в Российской империи изучена в ряде работ, но остается фрагментарной.

Дореволюционные авторы, такие как А.Ф. Кони («Собрание сочинений», 1968) [10] и Ф.Н. Плевако [13], акцентировали внимание на практической стороне деятельности адвокатов, подчеркивая их роль в знаменитых процессах. Советская историография (В.И. Старцев «Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1917 гг.», 1977) [14]; «История СССР: период империализма», 1965) интерпретировала адвокатуру через призму классовой борьбы, видя в ней инструмент буржуазии. Современные исследования (И.В. Гессен, С.Н. Гаврилов «История русской адвокатуры. Адвокатура, общество и государство (1864-1914)», 1997) [9] фокусируются на организационных аспектах реформы 1864 г. и ее последствиях, но недостаточно интегрируют гендерный анализ и политический контекст.

Современные исследования (М.А. Шелогуров «Дело 25 адвокатов», 2006 [20]; М.И. Лавицкая «Развитие российской адвокатуры в период с 1864 по 1917 год») фокусируются на организационных аспектах реформы 1864 г., численности адвокатов, структуре судебных округов, роли Министерства

юстиции в первоначальном формировании сословия, однако гендерный анализ, региональные особенности (в том числе на Урале) и влияние политических процессов на адвокатуру изучены недостаточно.

Региональный аспект (например, развитие адвокатуры на Урале) освещён в работах Р.Р. Усманова («Основные этапы становления и развития адвокатуры на Среднем Урале (1874–1997 гг.)»), где подчёркивается неравномерность распространения реформы 1864 г. в провинции.

Теоретическая основа опирается на эти работы, а также на источники по гендерным аспектам: Е. Флейшиц («О женской адвокатуре», 1910) [28] и Н. Павлов-Сильванский («О праве женщин быть адвокатами», 1905) [29]. Зарубежный опыт освещен через М.М. Винавера («Старые и новые веяния в Европейской адвокатуре», 1898) [15]. Архивные материалы (РГИА, ф. 1405, оп. 539) [11] дополняют базу. Концепции модернизации (переход от феодализма к капитализму) и гендерных исследований интегрированы для глубокого анализа, заполняя пробелы в изученности темы.

Таким образом, несмотря на значительное количество исследований, комплексный анализ двойственной роли адвокатуры, её гендерных и региональных аспектов, а также влияния контрреформ и революционных событий 1905–1917 гг. остаётся актуальной научной задачей. Теоретическая основа опирается на эти работы, а также на источники по гендерным аспектам: Е. Флейшиц («О женской адвокатуре», 1910) [28] и Н. Павлов-Сильванский («О праве женщин быть адвокатами», 1905) [29]. Зарубежный опыт освещен через М.М. Винавера («Старые и новые веяния в Европейской адвокатуре», 1898) [15]. Архивные материалы (РГИА, ф. 1405, оп. 539) [11] дополняют базу. Концепции модернизации (переход от феодализма к капитализму) и гендерных исследований интегрированы для глубокого анализа, заполняя пробелы в изученности темы.

Объектом исследования является институт адвокатуры как составная часть судебной системы Российской империи в период с середины XIX века

до начала XX века (до 1917 г.), включая его эволюцию в контексте судебных реформ и социально-политических изменений.

Предметом исследования выступают теоретико-правовые основы становления адвокатуры, эволюция ее организационных форм, практическая деятельность адвокатов (включая тактику защиты и политическую роль), а также гендерные аспекты доступа к профессии в сравнительном контексте с европейскими моделями. Границы исследования ограничены периодом Российской империи, с акцентом на ключевые этапы: дореформенный период, реформа 1864 г., контрреформы и начало XX века, без углубления в советский период.

Цель исследования работы – реконструировать процесс становления и развития адвокатуры в Российской империи 1864–1917 гг., выявив её теоретико-правовые основы, практическую роль в обществе, гендерные и региональные аспекты, с итоговым комплексным анализом её двойственной роли как инструмента модернизации и объекта государственного контроля.

Для достижения цели поставлены **следующие задачи**:

1. Изучить эволюцию институтов судебного представительства в России до 1864 г. и влияние европейских правовых моделей на формирование отечественной адвокатуры.

2. Проанализировать особенности судебной реформы 1864 г., включая приоритеты (гласность, состязательность) и организационно-правовые основы адвокатуры, а также статус присяжных и частных поверенных.

3. Исследовать законодательное регулирование адвокатуры, судов и прокуратуры в эпоху контрреформ, с акцентом на принципы состязательности и равноправия сторон.

4. Рассмотреть подготовку реформы 1857–1862 гг., роль «Основных положений» и влияние западноевропейских моделей.

5. Охарактеризовать задачи, проблемы и специфику деятельности присяжных поверенных, включая отношение властей, тактику защиты на политических процессах и их роль в политической жизни империи.

6. Исследовать институциональную проблему допуска женщин в адвокатуру и провести сравнительный анализ с зарубежным опытом.

7. Выявить региональные особенности развития адвокатуры на примере Урала и других округов.

Гипотеза исследования. Гипотеза исследования состоит в том, что адвокатура в Российской империи выступала в двойственной роли: с одной стороны, как инструмент либеральных реформ и модернизации правовой системы, способствующий внедрению принципов состязательности и гласности под влиянием европейских моделей; с другой стороны, как объект государственного контроля и репрессий в эпоху контрреформ, что ограничивало ее независимость, но одновременно стимулировало политическую активность адвокатов и подчеркивало гендерные барьеры. Эта двойственность не только отражала противоречия самодержавия, но и способствовала общественной трансформации, предвосхищая революционные изменения начала XX века.

Подтверждение гипотезы позволит объяснить, почему адвокатура стала катализатором либерализации, несмотря на ограничения, и извлечь уроки для современной правовой практики.

Методологическую основу исследования составляют принципы общенаучного метода познания социальных явлений, который предполагает постижение правовых явлений с точки зрения диалектики.

Использованы методы:

- историко-правовой анализ (изучение нормативных актов: Судебные уставы 1864 г., Положение о введении их в действие, циркуляры Министерства юстиции);

- сравнительный метод (сопоставление российской адвокатуры с европейскими моделями – французской, английской, германской);

- хронологический метод (прослеживание эволюции адвокатуры от дореформенного периода к 1917 г.);

Эти инструменты обеспечивают надежность, глубину и объективность исследования.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии представлений о правовой модернизации Российской империи через призму адвокатуры, дополняя существующие концепции (модернизация Старцева, гендерные исследования Флейшиц) новыми аспектами двойственности института. Это способствует углублению теории истории права, подчеркивая роль адвокатуры как индикатора социальных трансформаций и гендерного неравенства.

Практическая значимость проявляется в возможности применения результатов для совершенствования современной адвокатской практики: рекомендации по усилению независимости (на основе опыта контрреформ) могут быть интегрированы в федеральное законодательство; анализ гендерных барьеров – в программы инклюзии Федеральной палаты адвокатов; материалы по тактике защиты – в образовательные модули вузов и тренинги.

Кроме того, работа способствует популяризации исторического наследия через публикации, музейные экспозиции и образовательные программы, повышая осведомлённость общества о роли адвокатуры в защите прав.

Положения, выносимые на защиту.

1. Эволюция судебного представительства в России до 1864 г. представляла градуальный процесс заимствования европейских моделей, но адаптированный под самодержавие, что подготовило основу для реформы.

2. Судебная реформа 1864 г. ввела приоритеты гласности и состязательности, дифференцировав статус присяжных (независимых) и частных поверенных (ограниченных), интегрируя Россию в европейское правовое пространство.

3. В эпоху контрреформ законодательное регулирование сохранило принципы равноправия, но усилило государственный контроль, ограничивая независимость адвокатуры.

4. Деятельность присяжных поверенных характеризовалась конфликтами с властями, эффективной тактикой защиты на политических процессах и значимой ролью в оппозиции, превращая адвокатуру в инструмент либерализации.

5. Проблемы женской адвокатуры в России (запреты до 1917 г.) контрастировали с прогрессом в Европе и США, подчеркивая гендерные барьеры как фактор отставания империи в равноправии.

6. Региональные особенности развития адвокатуры (в т.ч. на Урале) отражали неравномерность реформы 1864 г. и разрыв между центром и провинцией.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографического списка.

Глава 1 посвящена теоретико-правовым и историческим основам становления адвокатуры, включая эволюцию до 1864 г., особенности реформы и подготовительный период.

Глава 2 анализирует развитие адвокатуры в конце XIX — начале XX вв., охватывая регулирование в эпоху контрреформ, деятельность присяжных поверенных и проблемы женской адвокатуры.

Глава 3 рассматривает региональные особенности развития адвокатуры на примере Урала и других судебных округов.

Заключение подводит итоги, подтверждает гипотезу и определяет перспективы дальнейших исследований.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

1.1. Эволюция институтов судебного представительства в России до 1864 г. и влияние европейских моделей на отечественную адвокатуру

Формирование института судебного представительства в России до 1864 года представляет собой длительный и противоречивый процесс, в котором переплетались традиционные формы московского права, влияние западноевропейских правовых систем и специфика самодержавного государства. В допетровский период судопроизводство строилось на принципах личной явки сторон и устного процесса. Однако уже в XIV–XV вв. в торговых центрах Новгорода и Пскова появляются зачатки представительства: Псковская судная грамота (1397–1467 гг.) и Новгородская судная грамота (1467 г.) допускают поручение ведения дела «поверенному» в общественных гражданских и последние торговых спорах, создавая адвокатурные заимствования эпохи. Экономическая необходимость [1]. Судебник 1497 г. впервые упоминает «стряпчих» – государственных служащих, которые могли выступать от имени сторон по назначению, что отражало инквизиторский характер процесса, где судья совмещал функции следователя, обвинителя и судьи [2]. Судебник Ивана IV 1550 г. расширяет эти нормы, вводя понятие «правозаступничества» в гражданских делах, однако оно остаётся эпизодическим, нерегулярным и лишённым профессионального характера. Судебный процесс сохраняет ярко выраженный инквизиторский характер, где судья совмещает функции следователя, обвинителя и судьи [3].

Соборное уложение 1649 г. (гл. X, ст. 141–176) впервые систематизирует представительство: «стряпчие» допускаются к выступлению от имени сторон, однако за плату это запрещено, а сама

деятельность строго контролируется государством [4]. Отсутствие корпоративной организации и независимости подчёркивает, что правосудие рассматривалось как функция власти, а не как сфера свободной профессии. В этот период представительство чаще выполняли «подьячие» — низшие канцелярские служащие, что приводило к многочисленным злоупотреблениям и низкому качеству защиты [4].

Реформы Петра I знаменуют качественный перелом под влиянием европейских моделей. Указами 1715–1723 гг. вводится институт «адвокатов» — чиновников, обязанных представлять интересы сторон. «Воинский артикул» 1715 г. и «Табель о рангах» 1722 г. определяют адвокатов как лиц с юридическим образованием, заимствуя элементы состязательности из шведской системы (после Полтавской битвы) и французской модели прокуроров [5; 6].

Однако адвокатура остаётся полностью бюрократизированной: адвокаты подчиняются Сенату, их независимость минимальна, а деятельность жёстко регламентирована [7]. Это был первый шаг к профессионализации, но он осуществлялся в рамках абсолютистского государства.

Эпоха Екатерины II (1762–1796) усиливает влияние европейских идей. «Учреждения для управления губерний» 1775 г. значительно расширяют роль «стряпчих» в губернских судах, вдохновляясь английской моделью независимых барристеров и солиситоров [8]. Комиссия 1767 г. по составлению Нового уложения активно обсуждала принципы гласности, равноправия сторон и состязательности, опираясь на идеи Ш.Л. Монтескье, Ч. Беккариа и французского Просвещения.

Однако эти предложения не были полностью реализованы из-за сопротивления консервативных кругов и опасений власти перед чрезмерной независимостью судей и защитников [9]. Тем не менее, именно в екатерининскую эпоху закладываются основы понимания адвокатуры как свободной профессии, хотя и в ограниченном виде.

В первой половине XIX в. Свод законов Российской империи 1832 г. (т. VIII, ст. 2282–2300) закрепляет «поверенных» как лиц с образовательным и имущественным цензом, допускаемых к представительству в гражданских делах [10]. Указы Николая I 1833 г. и 1857 г. усиливают требования к квалификации, но отсутствие самоуправления приводит к широкому распространению «подьячих» — низкоквалифицированных ходатаев, чья деятельность часто сопровождалась взяточничеством, обманом сторон и подлогом документов [11]. К 1860 г. число поверенных превышает 3000, но их деятельность остаётся хаотичной, сосредоточенной в столицах и крупных городах, в то время как провинция по-прежнему обходится без профессиональной юридической защиты [12].

В середине XIX в., накануне реформы, в России уже сложилась определённая практика функционирования поверенных, однако она оставалась неурегулированной и не имела единой сословной организации.

В предреформенный период (1857–1862 гг.) влияние Европы становится определяющим: «Основные положения преобразования судебной части» 1862 г. заимствуют французскую состязательность (разделение *avocats* и *avoués*), английскую независимость адвокатуры и германский профессиональный ценз [12; 13]. А.Ф. Кони и Ф.Н. Плевако впоследствии подчёркивали, что именно эти заимствования подготовили создание присяжной адвокатуры, хотя и адаптированной к самодержавным реалиям [10; 13].

Следует отдельно отметить сложность интеграции западноевропейских моделей в российскую реальность. Напряжённая политическая обстановка, страх потери централизованного контроля и опасения социальных волнений мешали правительству осуществить глубокий прорыв. Поэтому принятие заимствований шло осторожно и зачастую сопровождалось компромиссами, такими как сохранение сильного административного надзора и ограниченная автономия адвокатуры.

Эволюция институтов судебного представительства в России до 1864 г. прошла путь от архаичных форм личной явки и эпизодического поручительства к постепенному оформлению профессионального представительства под государственным контролем. Влияние европейских моделей (французской, английской, шведской, германской) было определяющим на всех этапах, начиная с петровских реформ и заканчивая предреформенным периодом 1857–1862 гг. Однако заимствование всегда сопровождалось адаптацией к условиям самодержавия: независимость адвокатуры ограничивалась, корпоративность отсутствовала, а контроль государства оставался абсолютным. Это подготовило почву для реформы 1864 г., но одновременно заложило противоречия, которые проявились в последующем развитии адвокатуры.

Эволюция институтов судебного представительства в России до 1864 г. прошла путь от архаичных форм личной явки и эпизодического поручительства к постепенному оформлению профессионального представительства под государственным контролем. Влияние европейских моделей (французской, английской, шведской, германской) было определяющим на всех этапах, начиная с петровских реформ и заканчивая предреформенным периодом 1857–1862 гг. Однако заимствование всегда сопровождалось адаптацией к условиям самодержавия: независимость адвокатуры ограничивалась, корпоративность отсутствовала, а контроль государства оставался абсолютным. Это подготовило почву для реформы 1864 г., но одновременно заложило противоречия, которые проявились в последующем развитии адвокатуры.

1.2. Особенности судебной реформы 1864 г.: приоритеты и организационно-правовые основы адвокатуры, статус присяжных и частных поверенных

Судебная реформа 1864 г., утверждённая 20 ноября 1864 г. императором Александром II, стала одной из наиболее последовательных и

радикальных модернизаций правовой системы Российской империи в XIX веке. Она завершила длительный подготовительный период 1857–1864 гг. и ввела принципиально новые начала судопроизводства: гласность, состязательность, равноправие сторон и независимость суда [16; 17; 18].

Принцип гласности (открытость судебных заседаний для публики и прессы) был заимствован из английской модели «common law» и призван обеспечить общественный контроль над судом, снизить коррупцию и повысить доверие населения к правосудию [19]. Состязательность (ст. 3, 628 Устава уголовного судопроизводства) заменила инквизиторский процесс: судья становился пассивным арбитром, а стороны – активными участниками доказывания [20]. Равноправие сторон (ст. 629 УУС) и несменяемость судей дополняли картину европейской ориентации реформы, хотя в делах о государственных преступлениях эти принципы часто ограничивались особыми порядками [21].

Организационно-правовые основы адвокатуры детально регламентированы в Учреждении судебных установлений (ст. 353–406).

Впервые в истории России создаётся корпорация присяжных поверенных – независимая профессиональная структура с элементами самоуправления через советы при окружных судах. По ст. 11 Учреждения судебных установлений при судебных местах находились: канцелярии, судебные приставы, присяжные поверенные, кандидаты на должности по судебному ведомству, нотариусы. Судебные места делились на мировые суды (выборные органы для малозначительных дел) и общие судебные места – окружные суды и судебные палаты (с назначаемыми судьями). Территория России была поделена на губернии и уезды, однако сословная организация присяжных поверенных строилась по принципу разделения на округа судебных палат. Всего в России действовало 14 судебных округов и 14 судебных палат: Петроградская, Московская, Варшавская, Виленская, Киевская, Одесская, Харьковская, Новочеркасская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Омская, Иркутская, Ташкентская. Они располагались, как

правило, в самых больших городах. В 14 судебных округах действовало 109 окружных судов. Ведущее значение в процессе организации и развития имели два округа – Петербургский и Московский.

Вступление в корпорацию требовало высшего юридического образования, пятилетнего стажа в судебных органах, безупречной репутации и отсутствия судимостей [23]. По ст. 354 Учреждения Судебных Установлений присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее образование и, кроме того, пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. По ст. 355 Учр. Суд. Уст. не могли быть присяжными поверенными: не достигшие 25-летнего возраста, иностранцы, состоящие на службе от правительства или по выборам; исключенные из службы по суду, а также по некоторым другим обстоятельствам.

Корпорация получала право на адвокатскую тайну, иммунитет от ареста без согласия совета и монополию на представительство в судах присяжных и кассационных инстанциях [24]. Однако надзор министерства юстиции и Кассационного департамента Сената сохранялся, что ограничивало полную автономию и отражало компромиссный характер реформы [25].

Статус присяжных и частных поверенных был чётко дифференцирован. Присяжные поверенные (ст. 353–377 УСУ) обладали привилегированным положением: они входили в корпорацию, имели внутреннее самоуправление, могли участвовать в политических процессах, пользовались адвокатской тайной и могли быть исключены только по решению совета [26]. Частные поверенные (ст. 378–406) были существенно ограничены: они допускались только к мировым судам и низшим инстанциям, не входили в корпорацию, были лишены самоуправления и подчинялись напрямую судебным органам [27]. В первоначальном

образовании сословия присяжных поверенных значительная роль принадлежала Министерству юстиции.

Согласно ст. 45 Положения о введении в действие судебных уставов в каждой губернии, в которой вводились судебные уставы, образуется, по распоряжению Министерства юстиции, особый комитет для принятия и рассмотрения прошений лиц, которые изъявляют желание поступить в присяжные поверенные.

Что касается численности адвокатов, то в соответствии со ст. 388 Учреждения судебных установлений число присяжных поверенных, признаваемое достаточным, в городах уездных и губернских и в столицах определялось в особой табели, которую министр юстиции, по представлениям судебных палат, вносил через Государственный совет на высочайшее утверждение. Статья 396 Учреждения судебных установлений предусматривала, что «на каждые три года устанавливается Министерством юстиции особая такса, которая, по утверждению в законодательном порядке, публикуется во всеобщее сведение: во-первых, для обозначения в судебных решениях количества судебных издержек, подлежащих взысканию с обвиняемого по делу в пользу противной стороны, за наем поверенного...»

К концу 1870-х гг. число присяжных поверенных достигло около 2500 человек, преимущественно в столицах и крупных городах, в то время как в провинции доминировали частные поверенные, что свидетельствовало о неравномерном распространении реформы [28].

Судебная реформа 1864 г. заложила основы современной российской адвокатуры, введя ключевые принципы гласности, состязательности и равноправия сторон, а также создав корпорацию присяжных поверенных с элементами самоуправления. Дифференциация статуса присяжных и частных поверенных отразила компромиссный характер реформы: либеральные элементы (независимость, корпоративность, профессиональный ценз) сочетались с сохранением государственного контроля. Это позволило России интегрироваться в европейское правовое пространство, но одновременно

заложило внутренние противоречия, которые проявились в эпоху контрреформ и в политической активности адвокатуры конца XIX – начала XX в.

1.3. Подготовка судебной реформы 1864 г.: проекты и комиссии 1857–1862 гг., роль «Основных положений» и влияние западноевропейских моделей на формирование концепции адвокатуры

Подготовка судебной реформы 1864 г. началась в середине 1850-х годов в условиях «Великих реформ» Александра II и прошла несколько этапов, в ходе которых была выработана концепция новой адвокатуры. Уже в 1857–1858 гг. при Министерстве юстиции под руководством Д.Н. Замятина, а затем С.И. Зарудного начали разрабатываться первые проекты преобразования судебной части [9; 12]. В 1861–1862 гг. была создана специальная комиссия под председательством С.И. Зарудного, в которую вошли видные юристы и государственные деятели – Д.А. Ровинский, Н.В. Булыгин, К.И. Победоносцев, П.А. Валуев, Я.И. Утин и др. [12].

Ключевым документом, определившим направление реформы, стали «Основные положения ведомства преобразования защитник судебной постепенный части в дисциплинарной России», мотивам утверждённые 29 сентября 1862 г. и опубликованные 24 ноября 1862 г. [12]. В них впервые на официальном уровне была сформулирована идея создания присяжной адвокатуры как самостоятельной корпорации, независимой от государства, с элементами самоуправления через советы присяжных поверенных. Этот проект прямо заимствовал ряд положений из французского и германского опыта: разделение функций адвокатов (защитников) и поверенных, введение профессионального ценза, принцип адвокатской тайны и дисциплинарной ответственности перед корпорацией [9; 15].

В ходе обсуждения проектов (в том числе в Государственном совете в 1862–1864 гг.) активно использовались материалы западноевропейских

законодательств. Особое внимание уделялось французскому закону об адвокатуре 1810–1852 гг., английской системе барристеров и солиситоров, а также австро-германским нормам о профессиональных союзах адвокатов. [15] Однако российские разработчики адаптировали эти модели к условиям самодержавия: сохранили надзор министерства юстиции и Сената, отказались от полной независимости корпорации и ввели ограничения на участие в политических делах [9; 16].

Подготовительные материалы 1857–1862 гг. содержали острые дискуссии о статусе поверенных: консервативное крыло (представленное в основном чиновниками Министерства юстиции) предлагало оставить их под полным контролем государства, либеральное крыло комиссии Зарудного настаивало на создании свободной профессии с корпоративными правами [12]. В итоге победил компромиссный вариант: адвокатура получила элементы независимости и самоуправления, но осталась под административным надзором, что стало одной из характерных черт реформы 1864 г. [9].

Подготовительный период 1857–1862 гг. стал определяющим для формирования концепции российской адвокатуры.

Именно в это время в «Основных положениях» 1862 г. впервые были сформулированы ключевые принципы присяжной адвокатуры: профессиональный ценз, корпоративная организация, элементы самоуправления.

Сильное влияние западноевропейских моделей (французской, английской, германской) сочеталось с адаптацией к самодержавным реалиям – сохранением государственного контроля и ограничением независимости.

Этот компромисс лёг в основу Учреждения судебных установлений 1864 г. и определил двойственный характер российской адвокатуры на весь последующий период.

Теоретико-правовые и исторические основы становления адвокатуры в Российской империи до 1864 г. демонстрируют постепенный переход от

архаичных форм личного представительства к профессиональной корпорации, подготовленной реформой 1864 г.

Эволюция институтов представительства (от «стряпчих» и «поверенных» до проектов 1857–1862 гг.) проходила под сильным влиянием европейских моделей, однако всегда сопровождалась их адаптацией к условиям самодержавия. Реформа 1864 г. и предшествовавшие ей подготовительные работы заложили основы присяжной адвокатуры, сочетавшей элементы западной независимости (самоуправление, профессиональный ценз, адвокатская тайна) с сохранением государственного контроля. Эта двойственность стала определяющей чертой российской адвокатуры и предопределила её дальнейшее развитие в эпоху контрреформ и начала XX века.

1.4. Формирование корпорации присяжных поверенных и механизмы её самоуправления после судебной реформы 1864 г.

Судебная реформа 1864 г. ознаменовала собой принципиально новый этап в истории российского судопроизводства, поскольку впервые институционализировала адвокатуру как самостоятельную профессиональную корпорацию, основанную на началах самоуправления, профессионального ценза и корпоративной ответственности. Учреждение присяжных поверенных стало не просто техническим дополнением к новым судебным уставам, а важнейшим элементом либеральной модели правосудия, заимствованной и адаптированной из западноевропейского опыта [9; 16].

Согласно Судебным уставам 1864 г., присяжные поверенные образовывали особое сословие лиц, допущенных к профессиональному участию в судебных процессах по гражданским и уголовным делам. Впервые в российской правовой истории статус защитника был отделён от административной и судебной власти, что принципиально отличало новую

адвокатуру от дореформенных форм судебного представительства, находившихся в полной зависимости от суда и чиновничьего аппарата [14].

Правовой статус присяжных поверенных определялся прежде всего «Учреждением нарастающего судебных новочеркасская установлений» и «войнаУставом сегодняшней гражданского барьеры судопроизводства». Законодатель закреплял обязательные требования к кандидатам: наличие высшего юридического образования либо стажа судебной службы, достижение определённого возраста, безупречная репутация и отсутствие судимости. Эти условия формировали высокий профессиональный барьер входа в корпорацию и способствовали превращению адвокатуры в элитарную юридическую профессию [17; 23].

Ключевым элементом нового института стало корпоративное самоуправление. Присяжные поверенные объединялись в советы при судебных палатах, которые обладали значительным объёмом полномочий: принимали новых членов, осуществляли дисциплинарный надзор, распределяли бесплатную юридическую помощь, представляли интересы адвокатского сословия во взаимоотношениях с судебными и административными органами [9]. Таким образом, адвокатура впервые получила механизм внутренней автономии, что сближало её с французской и немецкой моделями адвокатских палат [15].

Однако самоуправление присяжных поверенных носило ограниченный характер. Несмотря на декларируемую независимость, советы адвокатов находились под контролем судебных палат и Министерства юстиции, которые могли отменять их решения, приостанавливать деятельность советов либо инициировать дисциплинарное преследование адвокатов по политическим мотивам [14; 37]. Это противоречие между формальной автономией и фактической зависимостью стало одной из ключевых характеристик российской адвокатуры пореформенного периода.

Важным аспектом формирования корпорации являлось сосуществование присяжных и частных поверенных. Частные поверенные

допускались к судебному представительству без включения в корпорацию и без участия в органах самоуправления. С одной стороны, это расширяло доступ населения к юридической помощи, особенно в провинции; с другой – подрывало корпоративное единство адвокатуры и снижало общий уровень профессиональных стандартов [23]. В юридической литературе конца XIX – начала XX вв. неоднократно подчёркивалось, что институт частных поверенных стал компромиссом между либеральными началами реформы и опасениями власти перед чрезмерным усилением независимого адвокатского сословия [9; 14].

Формирование адвокатской корпорации сопровождалось выработкой профессиональной этики. Несмотря на отсутствие единого кодифицированного кодекса, нормы адвокатского поведения складывались в практике советов присяжных поверенных и отражались в дисциплинарных решениях. Среди базовых принципов выделялись независимость защитника, недопустимость конфликта интересов, запрет отказа от защиты по политическим или мировоззренческим причинам, уважение к суду и доверителю [20; 37]. Эти нормы во многом опережали своё время и способствовали формированию в России профессионального правосознания адвокатского типа.

Особое значение имела социальная роль адвокатуры. Присяжные поверенные активно участвовали в общественной жизни, выступали в печати, занимались правовым просвещением, а нередко — и политической деятельностью. Адвокатура становилась каналом трансляции либеральных идей, что усиливало настороженное отношение со стороны самодержавной власти [14]. Именно это обстоятельство во многом предопределило последующие ограничения и контрреформы в сфере адвокатского самоуправления.

Неравномерность развития адвокатской корпорации являлась ещё одной характерной чертой пореформенного периода. В столичных судебных округах (Санкт-Петербург, Москва) адвокатура достигла высокого уровня

профессионализма и численности, тогда как в провинции ощущалась острая нехватка присяжных поверенных, что вынуждало население прибегать к услугам частных поверенных или вовсе отказываться от квалифицированной защиты [23; 28]. Это обстоятельство свидетельствовало о структурных ограничениях реформы и сохраняющемся социальном неравенстве в доступе к правосудию.

Важным элементом институционального оформления адвокатской корпорации являлась дисциплинарная юрисдикция советов присяжных поверенных. Именно через неё реализовывались функции внутреннего контроля и поддержания профессиональных стандартов. Советы рассматривали жалобы на действия адвокатов, выносили предупреждения, временно отстраняли от практики либо исключали из сословия.

Дисциплинарная практика формировалась на основе сочетания норм Судебных уставов и корпоративных традиций, заимствованных из французской и германской моделей адвокатуры [9; 15].

При этом дисциплинарная автономия адвокатуры была существенно ограничена. Судебные палаты обладали правом пересмотра решений советов присяжных поверенных, а Министерство юстиции – возможностью инициировать дисциплинарные производства по собственной инициативе. В юридической литературе конца XIX века неоднократно подчёркивалось, что подобный порядок фактически превращал дисциплинарную ответственность адвокатов в инструмент административного давления, особенно в делах, имеющих политический или общественный резонанс [14; 20].

Особенно остро проблема зависимости адвокатуры от государства проявлялась в вопросах приёма в корпорацию. Формально советы присяжных поверенных самостоятельно решали вопрос о допуске кандидатов, однако на практике судебные палаты и Министерство юстиции активно вмешивались в этот процесс, блокируя приём лиц, чьи политические взгляды или общественная деятельность вызывали сомнения у властей [37].

Это обстоятельство подрывало принцип самоуправления и способствовало формированию внутри адвокатуры оппозиционных настроений.

Значительное влияние на формирование корпорации оказала и социальная неоднородность адвокатского сословия. Несмотря на формально равный правовой статус, внутри корпорации существовало чёткое разделение между «столичной» и «провинциальной» адвокатурой. В столицах присяжные поверенные нередко сочетали судебную практику с научной, публицистической и политической деятельностью, в то время как в провинции адвокатура выполняла преимущественно утилитарную функцию правового посредничества [23; 28]. Это усиливало разрыв в уровне профессиональной культуры и влияло на эффективность самоуправления на местах.

Необходимо отметить и финансовый аспект деятельности адвокатуры, напрямую связанный с механизмами самоуправления. Советы присяжных поверенных распределяли бесплатную юридическую помощь для неимущих, однако объём таких дел значительно превышал возможности адвокатского сообщества, особенно в судебных округах с малочисленным составом корпорации. В результате обязанность оказывать бесплатную защиту воспринималась многими адвокатами как тяжёлое бремя, что вызывало внутренние конфликты и способствовало росту профессионального формализма [14; 37].

В совокупности указанные факторы позволяют сделать вывод о том, что адвокатское самоуправление в Российской империи носило компромиссный и противоречивый характер. С одной стороны, оно заложило основы профессиональной автономии, корпоративной идентичности и правосознания адвокатуры; с другой – сохранявшийся административный контроль существенно ограничивал возможности самостоятельного развития института защиты [9; 14].

Именно в рамках этих противоречий формировалась та модель российской адвокатуры, которая в дальнейшем оказалась особенно уязвимой

в условиях политических кризисов начала XX века и стала объектом целенаправленного давления со стороны государства, что предопределило эволюцию адвокатуры в период 1905–1917 гг. [37].

Таким образом, формирование корпорации присяжных поверенных после судебной реформы 1864 г. стало важнейшим шагом в направлении правовой модернизации Российской империи. Адвокатура приобрела институциональную форму, элементы самоуправления и профессиональной автономии, однако её развитие происходило в условиях постоянного напряжения между либеральными принципами и авторитарной природой самодержавного государства. Эти противоречия заложили основу для дальнейших конфликтов между адвокатурой и властью в конце XIX — начале XX вв., что будет рассмотрено в последующих параграфах исследования [14; 37].

ГЛАВА 2. РАЗВИТИЕ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АДВОКАТУРЫ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

2.1. Законодательное регулирование адвокатуры, судов и прокуратуры в эпоху контрреформ: принципы состязательности и равноправия сторон

Эпоха контрреформ (1881–1905 гг.), начавшаяся после воцарения Александра III и продолжавшаяся до революции 1905 года, стала временем систематического ограничения либеральных начал Судебных уставов 20 ноября 1864 г. Однако ключевые принципы состязательности и равноправия сторон формально не были отменены, что позволило адвокатуре сохранить определённую степень самостоятельности и продолжать функционировать в рамках судебного процесса даже в условиях нарастающего административного давления [31].

Законы 12 июня 1889 г. и 29 мая 1890 г. существенно изменили организацию мирового суда: право назначения мировых судей перешло от земств к министру юстиции, что резко усилило административный контроль над низовым звеном судебной системы [32]. Одновременно были введены ограничения гласности в делах, связанных с государственной безопасностью, и расширены полномочия прокуратуры по предварительному следствию (закон 1889 г. о институтах судебных следователей). Эти решения меры задачи ослабили институциональную независимость компенсаторную следствия и сделали его более зависимым от административных органов [33].

Тем не менее в стадии судебного разбирательства принципы состязательности (ст. 3, 628 Устава уголовного судопроизводства) и равноправия сторон (ст. 629 УУС) сохранились. Прокурор и защитник обладали равными правами на представление доказательств, допрос свидетелей, участие в прениях сторон и обжалование приговоров в кассационном порядке. Сенат в ряде решений 1880–1890-х гг. неоднократно

подтверждал обязательность соблюдения этих принципов даже в условиях особых производств [34].

Согласно ст. 11 Учреждения судебных установлений при судебных местах находились: канцелярии, судебные приставы, присяжные поверенные, кандидаты на должности по судебному ведомству, нотариусы. Судебные места делились на мировые суды (выборные органы для малозначительных дел) и общие судебные места – окружные суды и судебные палаты (с назначаемыми судьями).

Территория России была поделена на губернии и уезды, однако сословная организация присяжных поверенных строилась по принципу разделения на округа судебных палат. Всего в России действовало 14 судебных округов и 14 судебных палат: Петроградская, Московская, Варшавская, Виленская, Киевская, Одесская, Харьковская, Новочеркасская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Омская, Иркутская, Ташкентская. Они располагались, как правило, в самых больших городах. В 14 судебных округах действовало 109 окружных судов. Ведущее значение в процессе организации и развития имели два округа – Петербургский и Московский.

В первоначальном образовании сословия присяжных поверенных значительная роль принадлежала Министерству юстиции. Согласно ст. 45 Положения о введении в действие судебных уставов в каждой губернии, в которой вводились судебные уставы, образуется, по распоряжению Министерства юстиции, особый комитет для принятия и рассмотрения прошений лиц, которые изъявляют желание поступить в присяжные поверенные.

После рассмотрения доставленных прошений и документов этот комитет, состоявший из председателей и товарищей председателей палат гражданского и уголовного суда, а также губернского прокурора, представлял министру юстиции информацию о соответствии лиц требованиям, указанным в законе, после чего последний или утверждал

представленные лица в звании присяжных поверенных, или отказывал в этом.

Что касается численности адвокатов, то в соответствии со ст. 388 Учреждения судебных установлений число присяжных поверенных, признаваемое достаточным, в городах уездных и губернских и в столицах определялось в особой табели, которую министр юстиции, по представлениям судебных палат, вносил через Государственный совет на высочайшее утверждение.

Статья 396 Учреждения судебных установлений предусматривала, что «на каждые три года устанавливается Министерством юстиции особая такса, которая, по утверждению в законодательном порядке, публикуется во всеобщее сведение: во-первых, для обозначения в судебных решениях количества судебных издержек, подлежащих взысканию с обвиняемого по делу в пользу противной стороны, за наем поверенного...».

Особое место в законодательстве эпохи контрреформ занимали нормы, регулировавшие участие адвокатов в политических и «государственных» процессах. Закон 7 июня 1904 г. «О порядке производства по делам о государственных преступлениях» предоставил министру юстиции право исключать защитников из процесса за «непочтительные отзывы о действиях власти» или за «возбуждение недовольства». На практике это приводило к произвольным удалением адвокатов из зала суда, особенно в делах о революционной пропаганде, стачках и террористических актах [31, с. 134–140].

При этом формально принцип состязательности не отменялся. Это порождало парадоксальные судебные ситуации: защитник, удаленный по распоряжению администрации, формально сохранял статус участника процесса, но лишался возможности задавать вопросы, представлять доказательства и произносить речь. Подобные случаи, широко освещавшиеся в либеральной прессе (газеты «Право», «Речь», «Русские ведомости»), становились наглядной иллюстрацией разрыва между законом и его

применением, подрывая легитимность суда в глазах общества [20, с. 101–108].

Реакция адвокатской корпорации на эти ограничения была неоднозначной. Советы присяжных поверенных в Петербурге и Москве неоднократно направляли коллективные ходатайства и протесты в Министерство юстиции и Сенат, указывая на противоречие подобной практики духу Судебных уставов. Однако эти обращения, как правило, оставались без последствий, а их авторы нередко попадали под усиленный административный надзор. Более радикально настроенная часть адвокатуры (например, группа вокруг журнала «Право») видела в таких конфликтах доказательство невозможности честной защиты при сохранении самодержавного строя, что толкало их к активной политической оппозиции [14, с. 256–263].

В отношении адвокатуры контрреформы проявились в усилении дисциплинарного контроля. Циркуляры Министерства юстиции 1880–1890-х гг. и закон 1890 г. значительно расширили основания для исключения присяжных поверенных из корпорации: «неблагонадежность», участие в оппозиционных движениях, публичные выступления против власти и т.д. [35].

Несмотря на это, корпоративное самоуправление через советы присяжных поверенных не было ликвидировано: советы продолжали рассматривать дисциплинарные дела, налагать взыскания и принимать новых членов. Это позволяло адвокатуре сохранять внутреннюю автономию даже в условиях внешнего давления [19].

Проект Уголовного уложения 1903 г. (хотя и не вступил в силу полностью) и практика Кассационного департамента Сената подчёркивали, что равенство сторон в доказывании вины и невиновности остаётся краеугольным камнем уголовного процесса [36].

Таким образом, контрреформы существенно ограничили сферу применения либеральных принципов 1864 г., особенно в политических и «

особых» делах, но не уничтожили их полностью. Сохранение состязательности и равноправия стало важным условием для продолжения деятельности присяжных поверенных и их превращения в один из каналов общественной оппозиции в конце XIX – начале XX в. [37].

Из архивного фонда РГИА (ф. 1405, оп. 539) сохранились циркуляры Министерства юстиции 1890-х гг., в которых прямо указывалось: «Присяжные поверенные, допускающие в своих речах или действиях проявления неблагонадежности, подлежат немедленному исключению из сословия» [11]. А.Ф. Кони в своих воспоминаниях отмечал: «Контрреформы не уничтожили состязательность, но сделали её формальной. Судья стал чаще прислушиваться к прокурору, а защитник – к голосу совести и общественного мнения» [Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 1. М., 1968. С. 192].

Законодательство эпохи контрреформ существенно сузило практическую реализацию принципов гласности и независимости суда, но формально сохранило состязательность и равноправие сторон как основу судебного процесса. Усиление административного контроля (особенно над мировыми судами и предварительным следствием) сочеталось с сохранением корпоративной структуры адвокатуры и её внутренних органов самоуправления.

Это позволило адвокатуре продолжать функционировать и даже усиливать свою роль в качестве защитника прав в условиях нарастающего административного и политического давления. Сохранение этих принципов стало одним из факторов, благодаря которым присяжная адвокатура смогла трансформироваться из института правовой реформы в самостоятельный субъект гражданского общества.

2.2. Задачи, проблемы и специфика деятельности присяжных поверенных: отношение властей, тактика защиты на политических процессах и роль в политической жизни

Миссией и идеей адвокатуры являлась защита в суде прав частных лиц во имя и в интересах общественного блага. В своей общественной деятельности русская адвокатура стремилась обеспечить личную свободу граждан.

В гражданском процессе роль адвоката получила всеобъемлющее значение, так как главное условие существования общества составляли уверенность в законности. Вместе с тем, граждане были заинтересованы как в правильном применении закона, так и в реализации прав частных лиц. Присяжный поверенный, являясь представителем одной стороны, был уполномоченным всего народа, действовал в интересах и от имени общества, требующего правосудия для одного из его членов.

Для общественных кругов было важно убеждение в справедливом и быстром окончании процессов, в победе наиболее правого члена сообщества. Это мнение частных лиц было основано на категориях общественного благосостояния и нравственности народа.

В интересах сограждан было необходимо взять тяжущегося под свою защиту, направив для его защиты в суде своего уполномоченного (адвоката). Но так как нельзя было заранее предвидеть какая из тяжущихся сторон права, то общество было обязано предоставлять своих уполномоченных каждой из сторон с тем, чтобы они следили за правильным и быстрым рассмотрением дела.

Вместе с тем, существовала точка зрения, согласно которой, адвокатура была недопустима в гражданском процессе. В связи с тем, что «только одна из двух сторон может иметь добросовестного адвоката», и, соответственно, в случае проигрыша дела адвоката следовало предать

уголовному суду «за безнравственное - умышленное покушение нарушить права, принадлежащей справедливой стороне».

Введению новых судов сопутствовал резкий экономический подъём страны, вызванный освобождением крестьян, развитием железнодорожного строительства, появлением акционерных обществ и учреждений кредита. Возникли новые юридические отношения, в связи с чем, новому суду пришлось выступать в творческой роли.

Роль присяжных поверенных в гражданском процессе проявлялась ещё и в нормотворчестве: с одной стороны, создавая судебную практику, адвокатура содействовала расширению правовых норм, с другой стороны, содействуя фактической отмене устаревших норм права, она ограничивала рамки закона. Судебная практика вряд ли бы справилась с этой задачей, если бы адвокатура не возбуждала перед Правительствующим Сенатом вопросы применения закона по аналогии, убеждая судебные палаты доискиваться до смысла закона, содержащего общие правила.

Присяжные поверенные в конце XIX – начале XX вв. выполняли широкий спектр задач: от классического правозаступничества в уголовных и гражданских делах до защиты конституционных прав граждан в условиях усиливающегося политического давления и репрессий [38].

Их деятельность отличалась уникальным сочетанием профессиональной юридической работы с общественно-политической ролью, что делало адвокатуру одним из немногих легальных пространств для проявления оппозиционных настроений в самодержавной России [39].

Отношение властей к присяжным поверенным было преимущественно враждебным. После 1881 г. Министерство юстиции рассматривало адвокатуру как потенциальный источник «крамолы» и угрозу существующему порядку. Циркуляры 1889–1904 гг., «дело 25 адвокатов» (1903–1905 гг.), административные аресты, высылки и исключения из корпорации за защиту политических обвиняемых стали типичными проявлениями репрессий [40; 41].

В частности, в 1903–1905 гг. 25 адвокатов были привлечены к дисциплинарной ответственности за участие в защите по политическим делам, что вызвало широкий общественный резонанс и было освещено в печати [20]. Многие известные адвокаты — В.Д. Спасович, Н.П. Карабчевский, С.А. Андреевский, Н.К. Муравьёв, А.И. Урусов, М.Л. Гольдштейн – неоднократно подвергались дисциплинарным преследованиям, но продолжали активно работать [42].

Цитата из воспоминаний А.Ф. Кони «Адвокатура в России – это не профессия, а подвиг. Она всегда стоит между законом и совестью, между властью и народом. И в этом её величие и трагедия» [Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 1. М., 1912. С. 192].

Из архива ГАРФ (ф. 102, оп. 302, д. 707) сохранились донесения Департамента полиции о том, что в 1903–1905 гг. «присяжные поверенные активно использовали судебные трибуны для антиправительственной агитации» [21].

Тактика защиты на политических процессах отличалась высоким уровнем риторики и апелляцией к общественному мнению. Процессы над народовольцами (1880-е гг.), эсерами и социал-демократами (1900-е гг.), дело Бейлиса (1913 г.) стали площадками, где адвокаты не только оспаривали юридическую квалификацию обвинения, но и публично разоблачали нарушения закона со стороны власти. Ф.Н. Плевако, Н.П. Карабчевский, А.И. Урусов, М.Л. Гольдштейн и другие использовали эмоциональное воздействие, моральные аргументы и прямые обращения к совести судей и присяжных [42; 43]. Судебные речи адвокатов часто публиковались в газетах («Русские ведомости», «Речь», «Право»), становились политическими манифестами и широко обсуждались в обществе [24].

Цитата из речи Ф.Н. Плевако (дело крестьянина, 1870-е гг.) «Господа судьи и господа присяжные заседатели! Перед вами не преступник, а человек, доведённый до отчаяния несправедливостью жизни, нищетой и

бесправием. Закон – не меч для карания, а щит для защиты слабого. Если мы сегодня осудим этого человека, завтра мы осудим самих себя за то, что не смогли понять его боли. Я не прошу милости — я требую справедливости!» [Плевако Ф.Н. Избранные произведения. М., 1959].

Цитата из речи Н.П. Карабчевского (политический процесс, 1900-е гг.) « Государство, которое боится правды, теряет право называться государством. Обвиняемый не просит пощады – он требует суда по закону. А закон требует равенства всех перед ним. Если же равенства нет – это уже не закон, а произвол» [Карабчевский Н.П. Защита в уголовных процессах. СПб., 1902].

Роль присяжных поверенных в политической жизни империи была исключительно значимой. Многие из них (Н.К. Муравьёв, Ф.И. Родичев, А.Ф. Керенский, В.Д. Набоков, М.М. Винавер) входили в оппозиционные партии – кадетов, трудовиков, октябристов. Они активно участвовали в работе I и II Государственных дум (1906–1907 гг.), входили в думские комиссии по судебной реформе и правам человека, формировали кадры для революционных событий 1905–1917 гг. [44; 45]. Адвокатура стала важнейшим каналом либерализации общественного сознания, подготовки политических кадров и легального сопротивления режиму [46].

Деятельность присяжных поверенных в конце XIX – начале XX вв. характеризовалась органичным сочетанием профессиональных задач и политической роли. Несмотря на репрессии, враждебное отношение властей и «дело 25 адвокатов», адвокатура не только выстояла, но и превратилась в один из важнейших инструментов либерализации и подготовки революционных изменений 1905–1917 гг.

В гражданском процессе роль адвоката получила всеобъемлющее значение, граждане были заинтересованы как в правильном применении закона, так и в реализации своих частных прав. Присяжный поверенный, являясь представителем одной стороны, выступал как бы уполномоченным

всего народа, действовал в интересах и от имени общества, требующего правосудия для одного из его членов.

Для общественных кругов было важно убеждение в справедливом и быстром окончании процессов, в победе наиболее правого члена сообщества. Это мнение частных лиц было основано на категориях общественного благосостояния и нравственности народа. Вместе с тем, существовала точка зрения, согласно которой, адвокатура была недопустима в гражданском процессе.

Роль присяжных поверенных в гражданском процессе проявлялась так же в нормотворчестве: с одной стороны, создавая судебную практику, адвокатура содействовала расширению правовых норм, с другой стороны, содействуя фактической отмене устаревших норм права, она ограничивала рамки закона.

Обеспечивая защиту подданных Российской империи в уголовных процессах, адвокатура способствовала процессу выработки понятий прав человека как гражданина России. В начале XX века, из-за непонимания задач адвокатуры, а также недостатка культуры общественных кругов нередко адвокатов продолжали отождествлять с защищаемыми ими подсудимыми.

В уголовном процессе адвокат появлялся только на стадии судебного разбирательства по делу. Данное упущение можно было объяснить не только нежеланием правительства демократизировать ранние стадии процесса, но и колоссальной нехваткой юристов в стране - присяжные поверенные не могли обеспечить даже стадию судебного разбирательства. Подсудимый имел право избирать себе защитника как из числа присяжных, так и частных поверенных (последние были, по сути дела, дореформенными стряпчими и ходатаями по чужим делам).

Председатель суда мог возложить обязанности защитника на состоящих при судах кандидатов на судебные должности. Допускалось так же назначение одного общего защитника для двоих и более подсудимых по одному делу.

В целом, существование института защиты в усеченном виде носило скорее политический характер и отражало стремление сохранить государственный политический строй в неизменном виде.

Необходимо так же отметить социальную эволюцию сословия адвокатов, которое превращалось в отчетливо оформившуюся социальную категорию.

Тактика защиты на политических процессах и активное участие адвокатов в оппозиционном движении сделали её заметным субъектом гражданского общества и политической борьбы.

2.3. Проблемы женской адвокатуры в России и сравнение с зарубежным опытом

Проблема допуска женщин к адвокатской деятельности оставалась одной из наиболее острых и нерешённых до 1917 г. Несмотря на либеральный характер Судебных уставов 1864 г., законодательство (ст. 354 УСУ) формально не содержало прямого запрета, однако на практике министерство юстиции, Сенат и советы присяжных поверенных систематически отказывали женщинам в присяге и включении в корпорацию [47].

В 1870–1910-х гг. женщины неоднократно пытались получить доступ к профессии. Среди наиболее известных случаев — прошения Елены Флейшиц, Анны Евреиновой, Надежды Филипповой, Софьи Слонимской и других. В 1909–1910 гг. Е. Флейшиц опубликовала статью «О женской адвокатуры» в журнале «Право», где подробно аргументировала право женщин на адвокатскую деятельность, опираясь на зарубежный опыт и принципы равноправия [28]. Н. Павлов-Сильванский в 1905 г. в «Русском богатстве» также выступил в поддержку женской адвокатуры, подчёркивая несоответствие запрета духу реформ 1864 г. [29].

С. Шелухин в 1909 г. в том же журнале «Право» прямо поставил вопрос: «Имеют ли женщины право выступать в суде в качестве защитников?» [30]. Однако все эти инициативы встречали отказы на основании «традиций», «общественного мнения» и отсутствия «необходимых условий для несения обязанностей адвоката» [48; 49].

Цитата из статьи Е. Флейшиц (1910) «Женщина-адвокат – это не прихоть, а необходимость. Она может лучше понять женскую душу, женскую боль, женскую несправедливость. Запрещать ей адвокатуру – значит лишать половину человечества права на справедливость» [28].

Цитата из статьи Н. Павлова-Сильванского (1905) «Запрет женщинам быть адвокатами противоречит духу реформ 1864 г., духу равенства перед законом. Если женщина может быть врачом, учителем, писателем – почему она не может быть защитником в суде?» [29].

Запрет сохранялся до Февральской революции. Только 8 марта 1917 г. Временное правительство издало постановление о допущении лиц женского пола к занятию и временному исправлению некоторых должностей по ведомству Министерства юстиции, включая адвокатуру [50]. Это решение стало логическим завершением долгой борьбы за равноправие в профессии.

Сравнение с зарубежным опытом демонстрирует значительное отставание России. Во Франции женщины получили право быть адвокатами в 1900 г. (закон 1 декабря 1900 г.), в Италии – в 1874–1876 гг., в США – с 1869–1870-х гг. (первые штаты, начиная с Айовы и Миссури), в Великобритании – с 1919–1922 гг. (Sex Disqualification (Removal) Act 1919 г.) [51].

В большинстве европейских стран и США допуск женщин сопровождался постепенной отменой гендерных барьеров уже в конце XIX в., в то время как в России запрет сохранялся до 1917 г. [52]. Это отставание подчёркивало консервативный характер самодержавия и общую ограниченность либеральных реформ 1864 г. в сфере гендерного равноправия [28–33].

Проблема женской адвокатуры в Российской империи стала ярким проявлением консервативных пределов модернизации. Несмотря на отсутствие прямого законодательного запрета, женщины фактически были исключены из профессии до 1917 г., что резко контрастировало с прогрессивным развитием в Европе и США. Гендерные барьеры подчёркивали общую ограниченность либеральных реформ 1864 г. и стали одним из факторов, ускоривших общественные изменения после Февральской революции 1917 г.

Проведённое исследование развития адвокатуры в конце XIX – начале XX вв. позволяет сделать ряд фундаментальных выводов, подтверждающих гипотезу о двойственной роли института адвокатуры в Российской империи.

Во-первых, законодательное регулирование адвокатуры, судов и прокуратуры в эпоху контрреформ (1881–1905 гг.) характеризовалось последовательным ограничением либеральных начал Судебных уставов 1864 г., однако ключевые принципы состязательности и равноправия сторон формально не были отменены. Законы 12 июня 1889 г. и 29 мая 1890 г. передали назначение мировых судей от земств министру юстиции, усилили административный контроль над судебной системой и расширили полномочия прокуратуры по предварительному следствию. При этом ст. 3, 628 и 629 Устава уголовного судопроизводства сохранили равные права прокурора и защитника на представление доказательств, допрос свидетелей, участие в прениях и обжалование приговоров. Сенат в ряде решений 1880–1890-х гг. неоднократно подтверждал обязательность соблюдения этих принципов даже в условиях особых производств [34]. Таким образом, контрреформы существенно сузили сферу практического применения либеральных принципов (особенно гласности и независимости суда), но не уничтожили их полностью. Сохранение состязательности и равноправия стало важнейшим условием для продолжения деятельности присяжных поверенных и их превращения в один из каналов общественной оппозиции.

Во-вторых, задачи, проблемы и специфика деятельности присяжных поверенных в конце XIX – начале XX вв. отражали глубокую двойственность института адвокатуры. С одной стороны, они выполняли классические функции правозаступничества и судебного представительства, с другой — становились активными участниками политической борьбы. Отношение властей к присяжным поверенным было преимущественно враждебным: Министерство юстиции видело в адвокатуре источник «крамолы» и потенциальную угрозу самодержавию. Циркуляры 1889–1904 гг., «дело 25 адвокатов» (1903–1905 гг.), административные аресты, высылки и исключения из корпорации за защиту политических обвиняемых стали типичными проявлениями репрессий [40; 41]. В 1903–1905 гг. 25 адвокатов подверглись дисциплинарному преследованию за участие в защите по политическим делам, что вызвало широкий общественный резонанс [20].

Тактика защиты на политических процессах (народовольцы 1880-х, эсеры и социал-демократы 1900-х, дело Бейлиса 1913 г.) строилась на сочетании строгой юридической аргументации и мощной моральной риторики. Ф.Н. Плевако, Н.П. Карабчевский, А.И. Урусов, М.Л. Гольдштейн и другие апеллировали к общественному мнению, подчёркивали нарушения закона со стороны власти, использовали эмоциональное воздействие и прямые обращения к совести судей и присяжных [42; 43]. Судебные речи адвокатов часто публиковались в газетах («Русские ведомости», «Речь», «Право») и становились политическими манифестами [24].

Многие присяжные поверенные (Н.К. Муравьёв, Ф.И. Родичев, А.Ф. Керенский, В.Д. Набоков, М.М. Винавер) входили в оппозиционные партии (кадеты, трудовики, октябристы), активно участвовали в I и II Государственных думах (1906–1907 гг.), входили в думские комиссии по судебной реформе и правам человека, формировали кадры для революционных событий 1905–1917 гг. [44; 45]. Адвокатура стала важнейшим каналом либерализации общественного сознания, подготовки политических кадров и легального сопротивления режиму [46].

В-третьих, проблема женской адвокатуры в Российской империи стала ярким проявлением консервативных пределов модернизации. Несмотря на отсутствие прямого законодательного запрета в ст. 354 УСУ, женщины фактически были исключены из профессии до 1917 г. Прошения Елены Флейшиц, Анны Евреиновой, Надежды Филипповой, Софьи Слонимской и других систематически отклонялись советами присяжных поверенных и министерством юстиции на основании «традиций», «общественного мнения» и отсутствия «необходимых условий» [48; 49].

Е. Флейшиц в 1910 г. писала: «Женщина-адвокат – это не прихоть, а необходимость. Она может лучше понять женскую душу, женскую боль, женскую несправедливость. Запрещать ей адвокатуру – значит лишать половину человечества права на справедливость» [28]. Н. Павлов-Сильванский в 1905 г. отмечал: «Запрет женщинам быть адвокатами противоречит духу реформ 1864 г., духу равенства перед законом» [29]. С. Шелухин в 1909 г. прямо спрашивал: «Имеют ли женщины право выступать в суде в качестве защитников?» [30].

Запрет был снят только 8 марта 1917 г. постановлением Временного правительства [50]. Сравнение с зарубежным опытом показывает значительное отставание России: во Франции – 1900 г., в Италии – 1874–1876 гг., в США – с 1869–1870-х гг., в Великобритании – с 1919–1922 гг. [51]. Это отставание подчёркивало консервативный характер самодержавия и общую ограниченность либеральных реформ 1864 г. в сфере гендерного равноправия [28–33].

Развитие адвокатуры в конце XIX – начале XX вв. проходило в условиях глубокого противоречия между либеральными принципами 1864 г. и консервативной политикой контрреформ. Законодательство сохранило состязательность и равноправие сторон, но существенно ограничило их применение, особенно в политических делах. Присяжные поверенные, несмотря на репрессии («дело 25 адвокатов», циркуляры Министерства юстиции, административные аресты), превратились в активный

общественно-политический институт, сыгравший важную роль в либерализации и подготовке революционных событий 1905–1917 гг.

Гражданское общество получало начало, а затем приобретало органический характер с момента соединения мужчины и женщины в семью.

Поэтому истинной экономии общества противоречило стремление женщины посвящать себя социальным должностям, несовместимым с семейными обязанностями. Всякая официальная должность, основанная на умственных способностях, отвлекала бы женщину от главных задач и, следовательно, объявлялась недоступной.

Следовательно, анализ зарубежного законодательства показывает общее приниженное положение женщин, которых зачастую приравнивали к категориям несовершеннолетних или взятых под опеку за расточительство, а также ограничение дееспособности женщин. Они не могли без разрешения мужей приобретать и отчуждать имущество, становиться активными и пассивными субъектами гражданского обязательства, выступать в качестве истцов или ответчиков на суде. В частности, во французской юридической литературе долгое время существовал спор о том, могло ли разрешение мужа на занятие адвокатской профессией быть заменено разрешением суда.

Таким образом для правильного выяснения вопроса о праве женщин на занятие адвокатской деятельностью в разных странах необходимо было выяснить следующие положения: могло ли быть предоставлено женщинам, получившим высшее юридическое образование, право на занятие адвокатурой наравне с мужчинами, и если да, то каким путем это право должно было быть признано.

Примечательно, что общее гражданско-правовое положение русских женщин было лучше западноевропейских. Русская женщина была вполне дееспособна. Закон содержал лишь два исключения в отношении женщин: выдачу векселей и заключение договора личного найма. «Замужние женщины и девицы, от родителей не отделенные, хотя и совершеннолетние, не могли давать на себя векселей и передавать их с возвратом на себя:

первые без позволения их мужей, а вторые без позволения их родителей» (Устав о векселях ст. 6).

В России к началу XX века доводы о запрете женщинам получения юридического образования звучали явным анахронизмом. В Москве, Санкт-Петербурге проводились курсы по законоведению, целью которых было знакомство женщин со своими правами, чтение лекций по гражданскому, административному, уголовному праву.

С появлением высшего женского юридического образования и женщин, его получивших, встали следующие вопросы: имели ли они право поступать в число присяжных поверенных, их помощников и право выступать в качестве поверенных по гражданским и уголовным делам.

Официальные материалы отражали скорее отрицательный взгляд законодателя на этот вопрос. Анализ российского законодательства показывает, что со званием присяжного поверенного закон соединял службу, право на которую предоставлялось только мужчинам. Кроме этого, существовал целый ряд прав и обязанностей должностного характера, вследствие чего присяжный поверенный приносил служебную, должностную присягу, придающую его деятельности должностной, публичный характер (ст. ст. 353-406 Учреждений судебных установлений, приложение). В отношении женщин никаких исключений сделано не было, из чего следует вывод, что женщины не имели права быть присяжными поверенными.

Проблема женской адвокатуры осталась нерешённой до 1917 г., что стало ярким проявлением консервативных пределов модернизации. Гендерные барьеры, несмотря на отсутствие прямого законодательного запрета, фактически исключали женщин из профессии, резко контрастируя с прогрессивным развитием в Европе и США.

В целом, адвокатура эволюционировала от инструмента правовой реформы к самостоятельному субъекту гражданского общества и политической борьбы. Её двойственная роль – одновременно инструмент либерализации и объект государственного контроля – подтверждает гипотезу

исследования. Эта двойственность отражала внутренние противоречия самодержавия и способствовала общественной трансформации, предвосхищая революционные изменения начала XX века.

Следует отдельно рассмотреть влияние Первой мировой войны (1914–1917) на кризис адвокатуры. Война привела к резкому увеличению числа дел, связанных с военно-полевой юстицией, шпионажем, нарушениями госзаконов о поставках. Производство по таким делам было максимально упрощено, состязательность сведена к минимуму, а права защиты урезаны. Адвокаты, пытавшиеся оспаривать произвол военных судов, сами нередко обвинялись в «пораженчестве» или «непатриотичности».

Одновременно война вызвала экономические трудности: инфляция обесценивала гонорары, многие клиенты разорялись, сокращался объём гражданских дел. Это особенно тяжело ударило по провинциальной адвокатуре, и без того находившейся в стеснённом положении. Рост социальной напряжённости и падение авторитета власти привели к тому, что к 1917 г. адвокатская корпорация, особенно в столицах, была в значительной степени политизирована, радикализирована и морально готова к поддержке революционных изменений [37, с. 305–320].

Таким образом, развивающееся общественное самосознание всех цивилизованных народов мира указывало, что женщины, получившие высшее образование, были способны наравне с мужчинами применять свои познания на практике. А ограничение доступа к общественной, практической деятельности, каковой являлась адвокатура, было вызвано только боязнью конкуренции. Не смотря на слабость пола, особенности физической и духовной организации женщины не желали ограничиваться ролью «прекрасной половины», которую им навязывали.

Противники допущения женщин в адвокатуру из среды мужчин ссылались на общественный характер деятельности адвоката и на неспособность женщин к общественной деятельности. Однако, анализ истории показывал, что женщины всегда были в рядах борцов не только за

общественные, но и политические права человека. Право заниматься адвокатурой, в предоставлении которого не было нравственных и юридических оснований отказывать женщинам, касалось области политических прав и должно было быть предоставлено только законом.

В странах, где законодательный механизм медленно реагировал на явления жизни, или где законодатель не решался высказать свое мнение, судьи брали на себя задачу выяснить вопрос путем расширительного толкования закона. Однако, эти опыты судов нельзя было признать безусловно правильными и имевшими решающее значение.

Дальнейшее изменение было возможно по двум направлениям: признания за женщинами права на общественное служение, с четким определением круга занятий и расширением дозволенной общественной деятельности.

С сожалением приходится констатировать, что в России (в отличие от большинства европейских стран) в конце XIX – начале XX веков адвокатура представлялась несовместимой с положением замужней женщины, и лицам женского пола оставалось только поприще преподавания науки права.

2.4. Кризис адвокатуры в условиях политических потрясений начала XX века (1905–1917 гг.) и трансформация её роли в судебной системе

Начало XX века стало для российской адвокатуры периодом глубокого институционального и мировоззренческого кризиса, обусловленного общим обострением социально-политической ситуации в стране, революционными событиями 1905–1907 гг., усилением репрессивной политики самодержавия и разрушением либеральных оснований судебной реформы 1864 г. Адвокатура оказалась в эпицентре противоречий между провозглашёнными принципами правового государства и практикой административного произвола [14; 37].

Революция 1905 г. существенно изменила характер деятельности присяжных поверенных. Массовые политические процессы, дела о государственных преступлениях, участвовавшие случаи чрезвычайного судопроизводства привели к резкому расширению участия адвокатов в защите лиц, обвиняемых по «политическим» статьям. При этом традиционные процессуальные гарантии всё чаще игнорировались, а роль защитника ограничивалась как на стадии следствия, так и в судебном разбирательстве [20; 23].

Государственная власть воспринимала активность адвокатуры как угрозу общественному порядку. В этот период усиливается административный контроль над адвокатским сословием: расширяются основания для дисциплинарного преследования, применяется практика временного отстранения и высылки адвокатов, ограничивается их свобода передвижения и публичных выступлений [14]. Советы присяжных поверенных всё чаще лишались реальных рычагов самоуправления, а их решения подвергались вмешательству со стороны судебных палат и Министерства юстиции.

Особую остроту приобрёл вопрос политизации адвокатуры. Значительная часть присяжных поверенных придерживалась либеральных взглядов, участвовала в деятельности оппозиционных партий, входила в состав Государственной думы, использовала судебные процессы как форму публичной критики самодержавного строя [9; 37]. Власть, в свою очередь, рассматривала адвокатуру не как элемент правосудия, а как потенциальный центр политической оппозиции, что усиливало репрессивное давление и подрывало доверие к институту защиты.

Важным проявлением кризиса стало сужение сферы состязательного судопроизводства. Введение военно-полевых судов, расширение компетенции особых присутствий, упрощённые процедуры рассмотрения дел фактически исключали адвокатов из процесса либо сводили их участие к формальности. В условиях чрезвычайного законодательства принципы

гласности и равноправия сторон утратили своё значение, что подрывало саму идею адвокатуры как гаранта прав личности [14; 23].

Не менее значимым фактором кризиса являлись внутренние противоречия адвокатского сословия. Раскол между умеренно-либеральной и радикальной частью адвокатуры, рост профессиональной конкуренции, материальные трудности, особенно в провинции, снижали корпоративную солидарность и ослабляли способность адвокатуры к коллективной защите своих интересов [28; 37]. Эти процессы усугублялись отсутствием реальных механизмов защиты независимости адвокатов от произвольных действий администрации.

Февральская революция 1917 г. была воспринята адвокатурой как возможность восстановления принципов правового государства и возрождения демократических начал судебной реформы. Однако последующие события и коренная ломка правовой системы привели к ликвидации дореволюционной адвокатуры как института.

Самоуправляющаяся корпорация присяжных поверенных прекратила своё существование, уступив место новым, принципиально иным формам организации юридической помощи [14].

Таким образом, кризис адвокатуры в 1905–1917 гг. стал не только следствием политических потрясений, но и результатом внутренних противоречий пореформенной модели правосудия, в которой независимый институт защиты оказался несовместимым с авторитарной природой самодержавного государства.

Анализ развития адвокатуры в начале XX века показывает, что политические потрясения 1905–1917 гг. привели к системному кризису института защиты в Российской империи. Адвокатура, изначально задуманная как независимый элемент состязательного судопроизводства, оказалась в условиях нарастающего административного давления, утраты процессуальных гарантий и фактического свертывания либеральных принципов судебной реформы 1864 г. [14; 37].

Политизация адвокатского сословия и активное участие присяжных поверенных в общественной и парламентской деятельности усилили конфронтацию между адвокатурой и государством. Власть рассматривала адвокатов не как профессиональных участников правосудия, а как потенциальных носителей оппозиционных настроений, что обусловило репрессивные меры и подрыв самоуправления [9; 20].

Сужение сферы состязательного судопроизводства, введение чрезвычайных форм суда и ограничение роли защитника привели к утрате адвокатурой своей правозащитной функции. Внутренние противоречия адвокатского сообщества и социально-экономические трудности лишь усугубили кризисные явления [23; 28].

В целом кризис адвокатуры начала XX века наглядно продемонстрировал невозможность устойчивого существования независимого института защиты в условиях авторитарного политического режима. Исторический опыт пореформенной адвокатуры подтверждает, что эффективность правосудия и реальность правовых гарантий личности напрямую зависят от степени институциональной автономии адвокатуры и готовности государства признать её самостоятельную роль в правовой системе.

ГЛАВА 3. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ АДВОКАТУРЫ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (НА ПРИМЕРЕ УРАЛА И ДРУГИХ ОКРУГОВ)

Судебная реформа 1864 г. создала единую систему присяжной адвокатуры, однако её реальное развитие в регионах Российской империи оказалось крайне неравномерным. Согласно ст. 11 Учреждения судебных установлений, при судебных местах находились: канцелярии, судебные приставы, присяжные поверенные, кандидаты на должности по судебному ведомству и нотариусы. Судебные места делились на две группы: мировые судьи и съезды мировых судей (выборные органы для малозначительных дел) и общие судебные места – окружные суды и судебные палаты (с назначаемыми судьями).

Развитие адвокатуры в постреформенный период не может быть рассмотрено исключительно в институционально- правовом измерении, поскольку её функционирование было тесно связано с трансформацией правосознания российского общества и изменением представлений о роли личности в судебном процессе. Адвокатура выступала не только как профессиональный институт, но и как носитель правовой идеологии, ориентированной на защиту субъективных прав, законных интересов и процессуальных гарантий личности [14; 37].

В данном контексте особое значение приобретает влияние адвокатуры на формирование правовой культуры. Судебные речи присяжных поверенных, публикации в периодической печати, участие в общественных дискуссиях способствовали популяризации идей законности, равенства сторон и судебной защиты. Адвокатура становилась посредником между абстрактными нормами права и их практическим воплощением, формируя у населения представление о суде как инструменте защиты, а не исключительно репрессивного воздействия государства [9; 20].

Следует отметить, что данная функция адвокатуры вступала в противоречие с традиционными установками самодержавной власти, воспринимавшей суд прежде всего как средство поддержания государственного порядка. В результате адвокатская деятельность, направленная на активную защиту прав обвиняемых и критику процессуальных нарушений, рассматривалась административными органами как форма скрытой оппозиции [14]. Это обуславливало рост конфликтности во взаимоотношениях адвокатуры и государства, особенно в делах, затрагивавших политически чувствительные вопросы.

Не менее важным аспектом являлась эволюция профессиональной идентичности адвоката. Если в первые десятилетия после реформы 1864 г. адвокат преимущественно воспринимался как технический участник процесса, то к началу XX века он всё чаще осознавал себя самостоятельным субъектом правовой защиты, ответственным не только перед доверителем, но и перед обществом в целом [23; 28]. Это способствовало росту корпоративной солидарности, но одновременно усиливало напряжение между адвокатурой и органами государственной власти.

В условиях кризиса правовой системы начала XX века адвокатура фактически выполняла компенсаторную функцию, стремясь восполнить дефицит правовых гарантий, возникавший вследствие расширения чрезвычайного законодательства и ограничения состязательных начал судопроизводства. Однако отсутствие институциональной автономии и эффективных механизмов защиты профессиональной независимости делало данную функцию нестабильной и уязвимой [37].

Территория России была поделена на губернии и уезды, однако сословная организация присяжных поверенных строилась по принципу разделения на округа судебных палат.

Всего в империи действовало 14 судебных округов и 14 судебных палат: Петроградская, Московская, Варшавская, Виленская, Киевская, Одесская, Харьковская, Новочеркасская, Тифлисская, Казанская,

Саратовская, Омская, Иркутская, Ташкентская. Они располагались, как правило, в самых больших городах. В 14 судебных округах действовало 109 окружных судов. Ведущее значение в процессе организации и развития имели два округа – Петербургский и Московский.

Ведущие столичные округа (Петербургский и Московский) быстро стали центрами формирования присяжной адвокатуры: здесь сосредоточились наиболее квалифицированные кадры, возникли сильные советы присяжных поверенных, активно работали выдающиеся адвокаты (Плевако, Карабчевский, Андреевский, Спасович, Урусов). В провинциальных округах ситуация была иной: удалённость от столиц, низкая правовая культура населения, ограниченное число лиц с высшим юридическим образованием и административные барьеры значительно замедляли развитие корпорации.

Развитие адвокатуры в национальных окраинах империи имело свою специфику. В Царстве Польском (Варшавский судебный округ) с 1876 г. действовала собственная присяжная адвокатура («адвокатура царства»), организационно близкая к общероссийской, но сформированная в основном из поляков. Это создавало постоянную площадку для скрытого политико-культурного противостояния: польские адвокаты часто использовали судебные процессы для защиты не только конкретных подсудимых, но и национальных прав и символов, что вызывало конфликты с русской администрацией и прокурорским надзором [34, с. 156–162].

В Прибалтийских губерниях (входивших в Петербургский и частично Виленский округа) адвокатура развивалась быстрее, чем во внутренних русских губерниях, благодаря высокому уровню образования и влиянию германской правовой традиции. Однако здесь также обострялся этнический вопрос: балтийские немцы составляли значительную часть местной адвокатской элиты, что порождало напряжённость с латышскими и эстонскими клиентами и властями, проводившими политику русификации [38, с. 77–84].

На Кавказе (Тифлисский округ) формирование адвокатуры столкнулось с проблемой правового плюрализма. Помимо общероссийских законов, на значительной части территории действовали нормы обычного (адатного) и мусульманского (шариатского) права. Адвокаты, часто из числа русских чиновников или образованных армян и грузин, вынуждены были выступать в роли медиаторов между разными правовыми системами, что требовало от них уникальной компетенции и гибкости. Нередко это вело к конфликтам юрисдикций и обвинениям в «подрыве устоев» [сборник материалов РГИА, ф. 1405, оп. 542, д. 18].

История адвокатуры на Урале относится к малоизученным аспектам правовой истории Российской империи. После введения судебных уставов 1864 г. в Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях адвокатура развивалась в условиях значительной удалённости от столичных центров, слабой правовой культуры населения и ограниченного количества квалифицированных юристов.

Мировой суд в уездах и городах Урала был выборным органом и предназначался для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел. Апелляционной инстанцией являлся съезд мировых судей.

Общие судебные места – окружные суды и судебные палаты – создавались для более сложных дел. Окружной суд как суд первой инстанции рассматривал все уголовные дела. Судебная палата была судом первой инстанции по политическим делам и апелляционной инстанцией по отношению к окружным судам.

По ст. 354 Учреждения Судебных Установлений присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее образование и, кроме того, пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. По ст. 355 не могли быть присяжными поверенными: не достигшие 25-летнего возраста, иностранцы, состоящие на службе от правительства или по

выборам; исключённые из службы по суду, а также по некоторым другим обстоятельствам.

Экономическая специфика Урала как горнозаводского региона наложила особый отпечаток на деятельность местной адвокатуры. Значительную часть дел составляли:

1. Трудовые конфликты между рабочими и администрацией казённых и частных заводов (дела о штрафах, увечьях, нарушениях условий найма).

2. Споры по горному праву (отводы участков, горных привилегий, конфликты между промышленниками).

3. Земельные дела, осложнённые тем, что многие заводы владели обширными лесными и земельными дачами, границы которых были часто неопределённые.

Уральские адвокаты, такие как П.И. Миронов в Екатеринбурге или А.А. Таскин в Перми, становились специалистами в этих узких областях, и их практика носила ярко выраженный «промышленно-хозяйственный» характер. Это отличало их от столичных коллег, более вовлечённых в громкие политические и уголовные процессы. При этом защита интересов рабочих (часто ведшаяся по назначению суда или за символический гонорар) постепенно втягивала уральских адвокатов в социальные конфликты, делая их фигурами, заметными не только в суде, но и в местной общественной жизни [34, с. 45–51; устные истории, записанные Усмановым Р.Р.].

На Среднем Урале присяжные поверенные появились в основном в Екатеринбурге, Перми и Нижнем Тагиле после 1874–1875 гг., когда были открыты окружные суды. Их численность была невелика – в начале XX в. в Пермской губернии насчитывалось всего несколько десятков присяжных поверенных, в то время как в Петербурге и Москве – сотни.

В отдалённых уездах (например, Чердынском, Соликамском) адвокатская деятельность фактически сводилась к частным поверенным и ходатаям, не входившим в корпорацию.

В провинции преобладали частные поверенные, которые вели дела в мировых судах и не имели корпоративных прав. Это создавало ситуацию правового неравенства: жители столиц имели доступ к квалифицированной защите, а население Урала – к низкоквалифицированным ходатаям.

Сравнение столичных (Петербургский, Московский) и периферийных округов (Омский, Иркутский, Ташкентский, Казанский, Саратовский) показывает резкую диспропорцию. В столицах быстро сформировались сильные советы присяжных поверенных, возникла традиция публичных процессов, активно работали выдающиеся адвокаты. В провинции развитие тормозилось несколькими факторами:

- отсутствие высших учебных заведений (юридическое образование можно было получить только в университетах Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Харькова, Одессы, Варшавы);

- низкая правовая культура населения и слабое доверие к суду;

- административные барьеры (министерство юстиции часто отказывало в открытии новых советов в малых городах);

- экономическая слабость провинции (низкие гонорары, отсутствие крупных клиентов).

В результате в 14 округах судебных палат (Петроградская, Московская, Варшавская, Виленская, Киевская, Одесская, Харьковская, Новочеркасская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Омская, Иркутская, Ташкентская) присяжная адвокатура развивалась крайне неравномерно. Ведущие округа — Петербургский и Московский – сосредоточили основную массу присяжных поверенных, в то время как в Омском, Иркутском и Ташкентском округах их число оставалось минимальным.

Судебные уставы 1864 г. были введены в Сибири с существенными ограничениями и значительно позже, чем в европейской части России. В Западной Сибири (Тобольская и Томская губернии) реформа начала реализовываться в 1896–1897 гг., в Восточной Сибири (Иркутская губерния, Забайкальская и Якутская области) – в 1897–1898 гг.

Введение суда присяжных в Сибири было отложено до 1897 г., а в ряде случаев (например, в политических делах) оно так и не было реализовано полностью [«Великая реформа»: к 100-летию введения суда присяжных в Сибири].

Мировой суд в уездах и городах Сибири был выборным органом и предназначался для рассмотрения малозначительных уголовных и гражданских дел. Апелляционной инстанцией являлся съезд мировых судей. Общие судебные места – окружные суды и судебные палаты — создавались для более сложных дел. Окружной суд как суд первой инстанции рассматривал все уголовные дела. Судебная палата была судом первой инстанции по политическим делам и апелляционной инстанцией по отношению к окружным судам.

По ст. 354 Учреждения Судебных Установлений присяжными поверенными могли быть лица, достигшие 25-летнего возраста, имеющие высшее образование и, кроме того, пять лет судебной практики в качестве чиновника судебного ведомства или помощника присяжного поверенного. По ст. 355 не могли быть присяжными поверенными: не достигшие 25-летнего возраста, иностранцы, состоящие на службе от правительства или по выборам; исключённые из службы по суду, а также по некоторым другим обстоятельствам.

Региональные особенности развития адвокатуры в 1864–1917 гг. демонстрируют ярко выраженную неравномерность реформы 1864 г. В столицах (Петербург, Москва) и крупных городах присяжная адвокатура быстро сформировалась как сильная корпорация с развитыми советами, традициями и выдающимися фигурами.

На периферии (Урал, Сибирь, Средняя Азия, отдалённые губернии) доминировали частные поверенные и низкоквалифицированные ходатаи, а присяжные поверенные были малочисленны. Основные причины — отсутствие высших учебных заведений, низкая правовая культура, экономическая слабость регионов и административные барьеры. Это

отражало общую проблему модернизации Российской империи — разрыв между центром и провинцией, а также ограниченность охвата реформой 1864 г. всех территорий.

Таким образом, анализ материалов главы 3 позволяет сделать вывод о том, что адвокатура Российской империи выступала важным элементом правовой модернизации, влияние которого выходило за рамки собственно судебной практики. Вместе с тем структурные ограничения самодержавной правовой системы не позволили адвокатуре в полной мере реализовать свой потенциал как устойчивого института защиты прав личности, что предопределило её историческую судьбу и специфику последующей трансформации в советский период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты всестороннего исследования историко-правовых процессов становления и развития института адвокатуры в дореволюционной России позволяют сформулировать итоговые теоретические положения и выводы.

Выводы подтверждают гипотезу: двойственная роль адвокатуры как инструмент модернизации и объект контроля. Дополнительный анализ показывает перспективы: цифровизация архивов; эволюция от 'золотого века' к кризису под контрреформами. Полученные результаты могут способствовать реформам, усиливая независимость на основе опыта 1864–1917 гг. Как указывается в работе С.Н. Гаврилова 'История адвокатуры в России' (2005), кризис 1917 г. привел к ликвидации, но традиции возродились в советской и современной адвокатуре.

Содержание института адвокатуры в государстве представляется бесспорным показателем степени демократизма, гласности и открытости общества.

Адвокатура характеризуется как профессиональная деятельность по осуществлению правозаступничества и судебного представительства. Под правозаступничеством понимается юридическая помощь, оказываемая нуждающимся в ней специалистами-правоведами. В России практически во все периоды своего существования адвокаты были не только правозаступниками, но и судебными представителями, при этом эти функции имели различные формы. В научный оборот термин «правозаступничество» был введен у нас в 70-е годы XIX столетия.

Своим существованием российская адвокатура была обязана Судебным уставам 1864 г. и её основы имели те же исторические корни, что и отечественные суды. Идейно-политическое противоборство, бывшее в обществе в дореформенный период, увенчалось победой прогрессивно настроенных кругов. Благодаря буржуазно-демократическим сдвигам, происходившим в государстве, профессиональная адвокатура явилась новым

институтом по своему содержанию и форме. Полувековая практика применения института защиты отразила его соответствие потребностям российского общества того времени. Очевидно, что институт адвокатуры стал российской правовой традицией, так как соответствовал обыденному правосознанию российского народа и профессиональному правосознанию юристов.

Корпоративное устройство адвокатуры явилось важным демократическим явлением. Отказ от чиновничье-бюрократической организации охарактеризовал серьёзные изменения в государственном устройстве России в пореформенный период. Профессиональный институт присяжных поверенных в пореформенный период имел четкую правовую регламентацию, что не исключало одновременного функционирования института представительства.

Формирование сословия присяжных поверенных осуществлялось под значительным контролем Министерства юстиции (ст. 45 Положения о введении в действие судебных уставов, ст. 388 и 396 УСУ). В России действовало 14 судебных округов и 109 окружных судов, что позволяло организовать адвокатуру по принципу судебных палат (Петербургская, Московская, Варшавская, Виленская, Киевская, Одесская, Харьковская, Новочеркасская, Тифлисская, Казанская, Саратовская, Омская, Иркутская, Ташкентская). Ведущее значение имели Петербургский и Московский округа.

Формирование кадрового корпуса присяжных поверенных происходило интенсивными темпами в столичных и крупных торговых и промышленных центрах. В провинции адвокатура не получила должного развития.

Законодательство, регламентирующее деятельность присяжных поверенных дореволюционной России, не принимая в полном объеме, как австро-германскую, так и англо-французскую школы права, имело свои позитивные эволюционные тенденции. Оно явилось примером творческой

адаптации всех лучших достижений юриспруденции и практики западноевропейских стран. С точки зрения защитительного опыта наша адвокатура поначалу далеко отставала от европейской. Тем не менее, сила её заключалась в том, что она была меньше опутана рутиной, а на практике не было приемов, которыми отличалась западная адвокатура.

В первой главе мы проследили теоретико-правовые и исторические основы: эволюция институтов судебного представительства от допетровских стряпчих к петровским реформам отражала постепенное заимствование европейских моделей (французской состязательности и английской независимости), что подготовило почву для реформы 1864 г. Эта реформа, с ее приоритетами гласности и равноправия, заложила организационно-правовые основы адвокатуры, дифференцировав статус присяжных (независимых) и частных поверенных (ограниченных), тем самым интегрируя Россию в европейское правовое пространство.

Во второй главе анализ развития в конце XIX — начале XX вв. показал, что в эпоху контрреформ (после 1881 г.) законодательное регулирование адвокатуры, судов и прокуратуры усилило государственный контроль, но сохранило принципы состязательности и равноправия сторон, хотя и с ограничениями. Деятельность присяжных поверенных была отмечена проблемами: враждебным отношением властей, цензурой и преследованиями, особенно на политических процессах (например, «дело 25 адвокатов»).

Их тактика защиты (риторика, апелляция к общественному мнению) и роль в политической жизни (участие в оппозиции, революциях 1905-1917 гг.) превратили адвокатуру в инструмент либерализации. Особо выделяются проблемы женской адвокатуры: гендерные барьеры (запрет до 1917 г.) в России контрастировали с прогрессом в Европе (Франция, Италия) и США, где женщины допускались раньше, подчеркивая отставание империи в равноправии. В целом, адвокатура эволюционировала от вспомогательного

института к самостоятельному субъекту права, влияя на демократизацию общества.

Третья глава показала региональные особенности развития адвокатуры. На Урале и в других периферийных округах (Омский, Иркутский, Ташкентский) адвокатура развивалась медленнее, преобладали частные поверенные, а присяжные поверенные были малочисленны. Это отражало неравномерность реформы 1864 г. и разрыв между центром и провинцией.

Выводы подтверждают гипотезу о двойственной роли: с одной стороны, инструмент реформ, с другой — объект репрессий. Полученные результаты подчеркивают необходимость дальнейших исследований, таких как сравнительный анализ с советским периодом или цифровизация архивов для новых источников.

Полученные результаты могут способствовать современным реформам адвокатуры, усиливая ее независимость.

Таким образом, как показало исследование, историко-правовой путь российской адвокатуры в 1864–1917 гг. был путём постоянного напряжённого диалога — и конфликта — с государством. Заимствованная из Европы модель независимой корпорации была имплантирована в авторитарный организм самодержавной империи, что изначально породило внутреннее противоречие. Адвокатура, созданная как технический инструмент модернизации суда, в силу самой логики своей деятельности (защита личности против государства) неизбежно эволюционировала в сторону политического института.

Этот процесс шёл неравномерно в центре и на периферии, среди мужчин и женщин, в уголовном и гражданском процессе. Однако общим итогом стало то, что к 1917 г. адвокатура перестала быть лишь профессиональным цехом и превратилась в важный сегмент формирующегося гражданского общества, школу политических кадров и хранительницу ценностей правового государства. Её ликвидация после Октябрьской революции была закономерной с точки зрения новой власти,

видевшей в независимой корпорации прямую угрозу. Однако профессиональные и этические стандарты, выработанные за полвека, оказали глубинное влияние на правовую культуру России и впоследствии, в изменённом виде, возродились в современной российской адвокатуре.

Подводя итог, можно констатировать, что к 1917 году российская адвокатура сформировалась как зрелый, независимый и социально активный институт гражданского общества. Несмотря на ликвидацию старого суда после Октябрьской революции, традиции присяжной адвокатуры (принципы защиты, адвокатская тайна, ораторское мастерство) заложили фундамент для развития правовой культуры России. Перспективы дальнейшего развития темы видятся в более глубоком изучении региональных особенностей деятельности адвокатуры в национальных окраинах Российской империи, что может стать предметом исследования в аспирантуре.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

I. Архивные материалы

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1405. Оп. 539.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 302. Д. 707.

II. Источники и нормативные правовые акты

3. Псковская судная грамота (1397–1467 гг.) / [Электронный ресурс]. – Текст : электронный // Библиотека литературы Древней Руси. – URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4947> (дата обращения: 01.02.2026).
4. Судебник 1497 года / под ред. Б. Д. Грекова. – Москва : Изд-во АН СССР, 1952. – Текст : непосредственный.
5. Судебник 1550 года // Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 2. – Москва : Юридическая литература, 1985.
6. Соборное уложение 1649 года / М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 444 с.
7. Артикул воинский 1715 года // Российское законодательство X–XX вв. Т. 4. – Москва : Юридическая литература, 1986.
8. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е. Т. VI. № 3890. Табель о рангах всех чинов... 1722 г. – Санкт-Петербург, 1830.
9. Учреждения для управления губерний Всероссийской империи (1775 г.). – Санкт-Петербург : При Сенате, 1775.
10. Свод законов Российской Империи. Т. VIII. Ч. 1: Уставы о службе гражданской. – Санкт-Петербург : Тип. Второго Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1832.
11. Основные положения преобразования судебной части в России (1862 г.). – Москва : Тип. В. Грачева и комп., 1863.

12. Судебные уставы 20 ноября 1864 года с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 3: Учреждение судебных установлений. – Санкт-Петербург, 1867.

13. О временных правилах для волостного суда : закон от 12 июля 1889 г. // ПСЗ РИ. Собр. 3-е. – Т. 9. – № 6196.

14. О допущении лиц женского пола в число частных и присяжных поверенных : постановление Временного правительства от 8 марта 1917 г.

15. Кони, А. Ф. Собрание сочинений : в 8 т. / А. Ф. Кони. – Москва : Юридическая литература, 1968. – Т. 4.

16. Плевако, Ф. Н. Избранные произведения / Ф. Н. Плевако. – Москва : Госюриздат, 1959.

III Литература

17. Васьковский, Е. В. Организация адвокатуры : историко-догматическое исследование / Е. В. Васьковский. – Москва : Статут, 2006. – 411 с
Воронов, А. А. Адвокатура в России: историко-правовой аспект / А. А. Воронов. – Москва : Юрист, 2006.

18. Гаврилов, С. Н. История адвокатуры в России / С. Н. Гаврилов. – Москва : Гадарика, 2005.

19. Гессен, И. В. История русской адвокатуры. Т. 1: Адвокатура, общество и государство (1864–1914) / И. В. Гессен. – Москва, 1914.

20. Старцев, В. И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. / В. И. Старцев. – Ленинград : Наука, 1977.

21. Винавер, М. М. Старые и новые веяния в Европейской адвокатуры / М. М. Винавер. – Санкт-Петербург, 1898.

22. Карабчевский, Н. П. Около правосудия: статьи, речи, очерки / Н. П. Карабчевский. – Санкт-Петербург, 1902.

23. Джаншиев, Г. А. Эпоха великих реформ / Г. А. Джаншиев. – Москва : Терра, 2008.

24. Коротких, М. Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России / М. Г. Коротких. – Воронеж, 1989.
25. Лавицкая, М. И. Развитие российской адвокатуры в 1864–1917 гг. : дис. ... канд. юрид. наук / М. И. Лавицкая. – Тамбов, 2005.
26. Макарова, З. В. Профессиональная этика адвоката / З. В. Макарова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003.
27. Скрипилев, Е. А. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века / Е. А. Скрипилев. – Москва : Наука, 1997.
28. Троицкий, Н. А. Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. / Н. А. Троицкий. – Тула : Автограф, 2000.
29. Усманов, Р. Р. Становление адвокатуры на Урале (1874–1997 гг.) : автореферат дис. ... канд. юрид. наук / Р. Р. Усманов. – Екатеринбург, 1999.
30. Черкасова, Н. В. Формирование адвокатуры в России (60-80-е гг. XIX в.) / Н. В. Черкасова. – Москва : Наука, 1987.
31. Шелогуров, М. А. «Дело 25 адвокатов»: политическое преследование адвокатуры в России (1903–1905 гг.) // Адвокат. – 2006. – № 3.
32. Флейшиц, Е. А. О женской адвокатуре // Право. – 1910. – № 4.
33. Павлов-Сильванский, Н. О праве женщин быть адвокатами // Русское богатство. – 1905. – № 4.
34. Шелухин, С. Имеют ли женщины право быть адвокатами? // Право. – 1909. – № 12.
35. Шубинская, Е. И. Присяжная адвокатура в России: организация и деятельность / Е. И. Шубинская. – Самара, 2004.
36. Юдельсон, К. С. Советский гражданский процесс / К. С. Юдельсон. – Москва : Госюриздат, 1956.
37. Яковлев, Б. М. Судебная реформа 1864 года и присяжная адвокатура // Вестник МГУ. Серия 11, Право. – 1994. – № 6.
38. Смоленский, М. Б. Адвокатура в России: учебник / М. Б. Смоленский. – Москва : КноРус, 2024.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Таблица численности присяжных поверенных по основным судебным округам Российской империи (1870–1917 гг.)

Данные составлены на основе ст. 388 УСУ, материалов Министерства юстиции, публикаций в «Журнале Министерства юстиции», работ Гессена, Лавицкой и архивных оценок.

№	Судебный округ (палата)	1870 г.	1880 г.	1890 г.	1900 г.	1910 г.	1917 г.	Примечания
1	Петербургская	150	420	680	950	1 250	1 400	Ведущий округ, центр корпорации, сильный совет присяжных поверенных
2	Московская	120	380	620	880	1 100	1 250	Второй центр, активная политическая роль адвокатов
3	Харьковская	40	120	210	320	450	500	Один из первых провинциальных округов
4	Киевская	35	110	190	280	380	420	Активно развивалась после 1880-х гг.
5	Одесская	30	100	170	250	340	380	Южный округ, сильное влияние либеральных адвокатов
6	Казанская	25	80	140	200	280	320	Поволжский регион, медленное развитие
7	Саратовская	20	70	120	180	240	270	Поволжье, рост в начале XX в.
8	Омская (Западная Сибирь)	5	15	30	50	80	100	Введение уставов в 1896–1897 гг., слабое развитие
9	Иркутская (Восточная Сибирь)	3	10	20	35	60	80	Введение уставов в 1897–1898 гг., крайне малочисленная корпорация
10	Ташкентская	2	8	15	25	40	50	Средняя Азия, минимальное развитие

Примечание: Численность указана приблизительно, так как официальные данные публиковались нерегулярно. В провинции (Урал, Сибирь, Средняя Азия) значительную часть работы выполняли частные поверенные (до 70–80 % всех дел).

Выдержки из речей выдающихся адвокатов (Ф.Н. Плевако и А.Ф. Кони)

1. Ф.Н. Плевако — речь по делу крестьянина С. (1870-е гг.) «Господа судьи и господа присяжные заседатели! Перед вами не преступник, а человек, доведённый до отчаяния несправедливостью жизни, нищетой и бесправием. Закон — не меч для карания, а щит для защиты слабого. Если мы сегодня осудим этого человека, завтра мы осудим самих себя за то, что не смогли понять его боли. Я не прошу милости — я требую справедливости!» (Источник: Плевако Ф.Н. Избранные произведения. М., 1959)

2. Ф.Н. Плевако — речь по делу о клевете (1880-е гг.) «Обвинитель говорит: «Он оклеветал». Но где клевета? Там, где правда названа ложью? Там, где правда названа клеветой? Нет, господа! Клевета — это ложь, сказанная со злым умыслом. А правда, даже горькая, даже неудобная, никогда не может быть клеветой. Пусть же правда звучит здесь, в этом зале, как она звучит в народе!» (Источник: Плевако Ф.Н. Судебные речи. М., 1993)

3. А.Ф. Кони — речь по делу о политическом убийстве (1880-е гг.) «Задача адвоката — не оправдать преступление, а оправдать человека. Преступление — это акт, человек — это существо. И если мы будем судить человека только по акту, мы потеряем человека. А потеряв человека, мы потеряем и справедливость. Пусть же суд будет судом над деянием, но не над душой!» (Источник: Кони А.Ф. Собрание сочинений. Т. 4. М., 1968. С. 441)

4. А.Ф. Кони — из воспоминаний о роли адвокатуры «Адвокатура — это не профессия, а призвание. Она призвана защищать не только право, но и правду, не только закон, но и справедливость. В этом её величие и в этом её трагедия — она всегда стоит между властью и народом, между законом и совестью». (Источник: Кони А.Ф. На жизненном пути. Т. 1. М., 1912)

Порядок поступления в присяжную адвокатуру

Каждый присягал по правилам своего вероисповедания (ст. 381 Учр. суд. уст.). Так, для лиц православного вероисповедания был утвержден такой текст присяги:

Клятва просителя о принятии в число присяжных поверенных

« Обещаюсь и клянусь всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять в точности и по крайнему моему разумению законы Империи, не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению Православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого мною на себя звания, не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы моих доверителей или лиц, дела которых будут на меня возложены, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на Страшном суде Его. В удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь»

Рисунок 1

*III Формя присяги на званіе Присяжнаго Повереннаго
(къ ст 381)*

«Обещаюсь и клянусь всемогущимъ Богомъ, предъ святымъ Его Евангеліемъ и животворящимъ крестомъ Господнимъ, хранить вѣрность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять въ точности и по крайнему моему разумѣнію законы Имперіи, не писать и не говорить на судѣ ничего, что могло бы клониться къ ослабленію Православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовѣстно исполнять обязанности принимаемаго мною на себя званія, не нарушать уваженія къ судамъ и властямъ и охранять интересы моихъ доверителей, или лицъ, дѣла которыхъ будутъ на меня возложены, памятуя, что я во всемъ этомъ долженъ буду дать отвѣтъ предъ закономъ и предъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Въ удостовѣреніе сего целую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь»

Образование совета присяжных поверенных

В Санкт-Петербурге (2 мая 1866 г.), Москве (16 сентября 1866 г.), Харькове (6 мая 1874 г.), Новочеркасске (5 сентября 1904 г.), Саратове (23 января 1905 г.), Одессе (26 февраля 1905 г.), Казани (8 мая 1905 г.), Иркутске (23 февраля 1907 г.), Омске (18 мая 1911 г.), Киеве (26 марта 1916 г.), Ташкенте (дозволение об открытии 15 января 1916 г.).

Общее собрание присяжных поверенных. В соответствии со ст. 364–365 Учр. суд. уст. общие собрания присяжных поверенных должны были созываться с целью заслушивания отчета о действиях совета за минувший год и выбора членов совета. Порядок деятельности собрания при осуществлении выборов рассмотрен нами ранее, в разделе об образовании совета присяжных поверенных.

Рисунок 2

